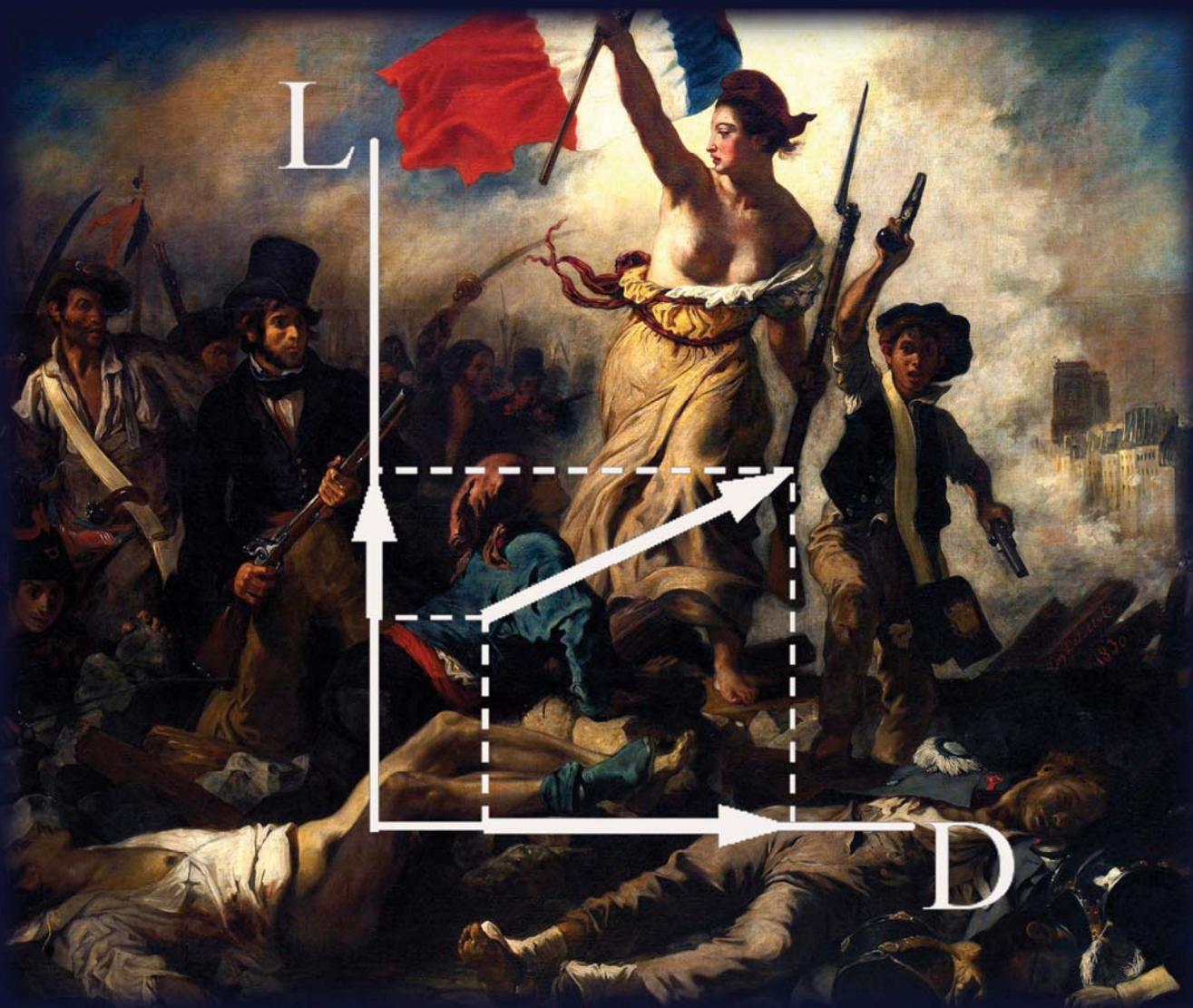

С.Н.Егоров, П.В.Цыпленков

ВЕКТОРНАЯ ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

С.Н. Егоров, П.В. Цыплёнов

**ВЕКТОРНАЯ
ТЕОРИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ
РЕВОЛЮЦИИ**

Санкт-Петербург
2017

УДК 323.01, 323.27, 514.742.2

Егоров С.Н., Цыпленков П.В.

Векторная теория социальной революции. – СПб.: б.и., 2017. – 400 с., 38 ил.

В книге обосновано новое определение социальной революции, как перемещения государства в пространстве политических идей по вектору, направленному от простых, архаичных идей, к более сложным, прогрессивным. Даны представления о движущих силах революции и генетическом базисе человеческой пассионарности, математическая модель народного восстания (бунта), контуры новой социально-экономической формации, в которой устраняется эксплуатация человека человеком, человека государством и трудящихся финансовой олигархией.

The book justifies a new definition of social revolution, as the movement of the state in the space of political ideas along a vector directed from simple, archaic ideas to more complex, progressive ones. Views on the driving forces of the revolution and the genetic basis of human passionarity, the mathematical model of a popular uprising (rebellion) are given. The contours of the new socio-economic formation, in which the exploitation of man by man, of man by the state and of the working people by the financial oligarchy is eliminated, are outlined.

Редактирование, верстка, обложка – П.В.Цыпленков.

© Егоров С.Н., Цыпленков П.В., 2017

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Политехнического университета, 195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29.
Формат 70x100 / 16. Усл. печ. листов 25. Тираж 200 экз.

*Столетию Великой русской
революции (1917) посвящается*

И.Д.Шадр. «Булыжник – оружие пролетариата».
1927 (бронзовый отлив – 1947).

*Авторы искренне благодарят
Николая Николаевича Смирнова*

и

Валерия Давидовича Рудого

за материальную помощь

в издании настоящей книги.

Не плакать, не смеяться, не ненавидеть, а понимать.
Бenedикт Спиноза

*Если потребуются кровь и жертвы
– это будет путь в порабощение.
Если жизнь меняется бескровно – это путь к свободе.*
Михаил Жванецкий

*Подобно исписавшемуся писателю история,
при всем своем творческом богатстве, невольно
повторяется. Сказанное относится и к «трагико-
медии», называемой «революцией».*

*...При всем различии актеров и декораций разыг-
рывается одна и та же пьеса, что и дает основа-
ние называть разные ее постановки одним и тем
же словом «революция».*

Питирим Сорокин

В.А.Серов. Ленин провозглашает советскую власть на 2-м съезде Советов.

И.А. Владимирова. Арест царских генералов в феврале 1917 года.

Введение

Время быстротечно и невозвратно. Мы находимся в самом русле этой реки, которые одни называют Летой, Рекой Забвения, потому что люди в массе своей не помнят то, что случилось, казалось бы, совсем недавно, другие Tempus, третьи Махакала – Вечность. Мы можем не замечать плавного, но неумолимого течения времени, ограничиваясь своим узким мирком семьи-работы-хобби, но можем и наблюдать перемены, если внимательно начнем вглядываться в природу по «берегам» этой невидимой реки, выглянув из иллюминатора каюты. Ученые придумали единицы измерения времени, но на уровне обыденного сознания, в практически понятных целях, люди исчисляют время в периодах от одного значимого события до следующего: «до рождения Христа», «в Раннем Средневековье», «при жизни моей бабушки», «до войны», «в годы горбачевской перестройки». Японцы так и в наше время начинают свое летоисчисление всякий раз, как на престол восходит новый император. Политические события, культурные достижения и биографические факты используют люди для измерения общих и понятных всем временных интервалов. Окружающий нас мир – культура и технологии – меняются, и нам кажется, что это ход времени их так меняет, а на самом-то деле, это изобретатели, инженеры, ученые, деятели культуры и предприниматели разнообразят и меняют окружающую нас действительность. И мы тоже что-то меняем там, где живем и работаем, каждый по мере своих сил и в своей области.

Издравле мудрецы пытались объяснить, куда течет река времени, но додумались лишь до того, что время, а точнее – культурно-исторические и политические изменения, развиваются по спирали, иногда повторяясь целиком, иногда лишь копируя отдельные особенности прошлых событий. Мифологическое мышление древних давало им возможность объяснять явления окружающей вселенной в категориях божественной воли. В знаменитой праславянской «Велесовой книге», опубликованной в 50-е годы прошлого века неким Ю.П. Миролюбовым в Сан-Франциско, например, говорится: «И течёт та «река Времени» сын мой, растрчиваясь, и нынче вечны Предки наши». Вероятно, американский фальсификатор раритетного манускрипта с точки зрения нашего современника полагал, что и для древних славян время является чем-то сакральным, понимаемым таким же почтением, как и в Древней Греции или восточных деспотиях.

В зороастрийской Авесте читаем, что жизнь во всех мирах развивается циклично по спирали, и в каждом из больших циклов, как и во множестве малых (каждая меньшая спираль закручена вокруг большей) повторяются подобия одних и тех же событий. Становление мира разворачивается, как спираль вокруг внутренней духовной точки, к которой он тяготеет. Циклы и повторения времён – подобны, но не равны и прошлое никогда не возвращается снова. События одного круга Времени очень схожи с событиями рядом находящегося круга, поэтому, зная, что с вами происходило в прошлом круге, можно самому прогнозировать общую направленность событий сегодняшнего дня и будущих периодов.

Возможно, на идею цикличности времени древних мудрецов навели чередование дня и ночи, смена времен года, стадии развития растений, животных и человека. А если эти предположения неверны, ошибочны, наивны?

Физики утверждают, что в каюте движущегося равномерно корабля, мы не сможем определить, движется ли корабль или стоит на якоре, если закрыты иллюминаторы. Тем более, без специальных приборов не понять и направления движения, не сориентироваться, если не условиться всем об общем понимании и названии географических сторон света. Так же и в реке времени трудно понять (невозможно?), быстро ли мы движемся или оказались в застойном омуте.

Если само по себе время движется и несет нас в своей стремнине неизвестно куда, то, может быть, есть средство или методика определить, как и почему меняются окружающие нас вещи, в частности, культура, политические условия, технологические достижения, научные открытия. В эпоху «Нового времени» технические и социальные новации появлялись так часто, что их стали именовать революциями. Ученые задумались, почему общество развивается, но так и не смогли ответить, куда это развитие направлено, к чему должно стремиться человечество в своем развитии. Хотя факт самого развития никто уже не отрицал, кроме церковников. Последним всякое развитие, всякие перемены кажутся покушением на божественную «тварность» и незыблемость окружающего нас мира – сверхразумной конструкции, возведенной высшим существом, создателем вселенной.

Достаточно курьезным и досадным свойством людей является их всеобщее нежелание оглядываться назад во времени, пользоваться опытом и учиться на ошибках своих предков. «Зачем? – спросит иной читатель. – Это напрасная трата времени. Ведь моя прабабушка носила длинное платье и не каталась на велосипеде, а прадедушка рядился во фрак и не знал, что такое телевизор. И в те времена все было совершенно не так, как сейчас».

Какими-то внешними формами жизнь и быт людей три-четыре поколения назад, конечно, не были похожи на сегодняшние. Но глубинная сущ-

ность жизни осталась прежней, ведь, как утверждают археологи и антропологи, человек за последние пятьсот поколений почти не изменился по строению скелета и, вероятно, своему умственному потенциалу также. Значит, если посмотреть на прошедшее чуть пристальнее, то выяснится, что прабабушки, хотя и носили юбки до пят, но на велосипедах раскатывали уже с конца XIX века, а телевидение нашим малограмотным предкам заменяли лубочные миниатюры, которые продавались на базарах и ярмарках. И на этих картинках прадеды видели такое «фэнтези», что нынешнее телевидение отдыхает! Газеты же, как два века назад, так и в наше время, читают очень немногие. Сходство манер и предпочтений. В чем-то мы меняемся и в чем-то остаемся вполне стабильными. А в чем же?

Основатель социологии, философ-позитивист Огюст Конт придумал социальную физику – соответственно статику и динамику. Предметом социальной динамики стало изучение процесса трансформации общества с течением времени. Главный вопрос, на который должна отвечать социальная динамика, это сущность и признаки прогрессивных социальных изменений. Главный закон социального прогресса у Конта – это «закон трех стадий». Все общества раньше или позже проходят в своем развитии теологическую стадию (господство в обществе религиозно-мифологического сознания), метафизическую стадию (характеризуется господством абстракций и оторвана от реальности) и позитивную стадию (где духовное управление осуществляется «учеными», мирское – «индустриалами»). На третьей стадии общество будет самосовершенствоваться и самокорректироваться, представляя собой, тем не менее, жёсткую, замкнутую, саморегулирующуюся систему, где каждый элемент (гражданин или учреждение) выполняет свою функцию. Напоминает этот контианский социализм пчелиный улей или муравейник. Эволюция, таким образом, представляет собой, прежде всего, изменение и совершенствование методов получения и накопления знаний. И в какой-то исторической точке окружающее нас общество уже не «теологическое», а «метафизическое». Может быть, как раз в этой точке и возникает с неизбежностью зимней метели такое для многих трагическое и масштабное событие, как революция? Революции подвергается научная парадигма и философия восприятия нами окружающего нас мира. А за научной следуют техническая, культурная и социальная революции. Позитивная стадия тоже не может быть бесконечной.

Происходит ли в соответствии со «спиралевидностью» хода времени трансформация позитивного общества в неотеологическое и так далее с приставкой «нео», остался за рамками контианства. Хотя именно О.Конт видел развитие позитивизма в том, чтобы превратить науку в новую положительную религию.

Основной закон социальной динамики («закон прогресса») заключается в том, что каждый подъем духа вызывает в силу всеобщей гармонии соответствующий резонанс во всех без исключения общественных областях – искусстве, политике, промышленности. Всем правит дух, образуя силовой центр социальной эволюции, учил О.Конт. Объяснить движение стрелок в будильнике заложенной в этом устройстве идеей и духом трезвонить в указанное владельцем время, значит, ничего не объяснить. И другие философы и экономисты сразу же ухватились за этот теоретический «промах» О.Конта.

Континский историцизм включает в себя эмпирическое исследование общества, на основе такого исследования выявляется некая закономерность. Например, такой закономерностью в марксистской социологии был закон об определяющей роли материального производства в развитии общества. Главной целью всякой социологической теории должно быть создание универсальной истории человеческого рода, понимаемой как схема неуклонного его развития в соответствии с познаваемыми законами, а не по неисповедимой воле Бога.

Согласно «историцистскому» мышлению общество представляет собой подобие живого организма, в котором целое – организм – всецело зависит не от мнений отдельных клеток, а задается неким естественным законом. Отсюда происходит и определение исторических фаз как стадий развития живого организма. Что является причиной смены этих исторических фаз? У Конта это естественный закон, у Гегеля – Мировой Дух, у Маркса – материальное производство, и т. д. Историцизм, по мнению Хайека, Поппера и других субъективистов – это одно из величайших заблуждений человеческого ума в XX веке. В марксистской социологии была создана теория пяти общественно-экономических формаций, которая отрицала устремления людей: хочешь – не хочешь, но пролетарско-социалистическая революция, а за ней и коммунизм наступят обязательно.

Таким образом, О. Конт ставит на первое место общество, государство же, как система принуждения, выступает в роли управляющего отдельными «клеточками» общества – людьми. Наука – главный фактор общественного прогресса. С этим сложно спорить. Но почему у людей возникает потребность «делать науку» или заниматься искусством, творчеством. Это трудно, гораздо труднее, чем, отстояв у станка или за прилавком рабочую смену, вернуться в уютный мир своей семьи, своего дачного участка, своей любимой рыбалки. Почему в определенные моменты истории массы людей вовлекаются в протестные действия, когда гораздо удобнее и безопаснее пересидеть кризисный период истории страны в квартире с занавешенными окнами. Позитивизм Конта утверждает недоверие к свободе индивида,

стремится преодолеть спонтанное развитие общества силой планомерной, научно организованной деятельности государства. Ученик О.Конта Джон Милль, духовный отец философии либерализма, впоследствии охарактеризовал континанство как *«самую совершенную систему духовного и светского деспотизма из всех, произведенных человеческим мозгом...»*.

Что следует из приведенных выше примеров научного поиска доказательств и законов движения «социальной материи» в реке времени? Прежде всего, ученые пришли к выводу, что окружающий нас мир меняется, как правило, совершенствуясь и усложняясь, что называем мы прогрессом. Но может и упрощаться, что назовем мы, диалектики-материалисты, регрессом, хотя знаем, что ведь и все гениальное – просто! Ученые убедились, что человеческое общество в своем развитии прошло определенные стадии, каждая из которых имела свои характерные признаки, свойства, атрибуты, занимала временной интервал. При переходе от одной стадии к другой иногда наблюдались революционно-быстрые перемены, конфликты, кровопролитие. Но мы видим, что мыслители спорят между собой, сколько стадий или фаз развития общества мы можем выделить в общей исторической ткани. Не соглашаются между собой представители различных школ и в том, какие признаки считать ключевыми для характеристики той или иной фазы. Потому что во многих странах история показывает совершенно иные фазы развития, например, «азиатский» способ производства в странах Дальнего Востока, который и не феодальный, и не рабовладельческий, и не социализм, поскольку для социализма ещё рановато, и не капитализм, поскольку деньги не рассматриваются в этих обществах как товар, и т.п.

Совершенная путаница существует в общественных науках, что считать прогрессом, а что – регрессом. В отношении же социальной революции, как общественного явления, нет единого понимания того, насколько это событие «кровооточиво», ведь и помимо революций, например, во время войн или межконфессиональных усобиц проливается крови не меньше, чем во время иных революций, а с другой стороны, отдельные реформы революционного масштаба вовсе не сопровождались кровопролитием.

Наконец, ученые никак не могут прийти к единому пониманию, куда же движется человечество, к какому идеалу совершенного общества мы должны стремиться. Это несогласие происходит, очевидно, потому что в мире нет единого стандарта политических координат. Сравнивая те или иные политические режимы, характеризуя революции, оценивая политические партии, каждый исследователь обращает внимание на различные аспекты предметов своего научного анализа, как если бы географы до сегодняшнего дня не установили названия сторон света, нумерации меридианов и параллелей. Ведь, согласитесь, не договорившись о том, где запад, где

восток, нам было бы затруднительно путешествовать и рассказывать другим о пройденных маршрутах. А ведь такое состояние географии было совсем недавно. Но моряки, военные, предприниматели, несущие материальные и человеческие жертвы от подобной нестыковки, строго потребовали от астрономов и географов единого счета времени и пространства.

Социологи и политологи по сравнению с географами находятся в более мягких условиях. Они пока ещё имеют возможность не давать точных прогнозов или рекомендаций, хотя предмет их науки касается каждого жителя Земли, даже больше, чем география или астрономия. Для 99,9% обывателей плоская поверхность их «шести соток» с практической точки зрения более ценна и понятна, чем шарообразная планета, и то, что Солнце движется по небу, также совершенно очевидно. И никому из этих людей не требуются хронометры, измеряющие малые доли секунды, может быть, лишь спортивным тренерам! Человек на «шести сотках» живет в мире, где Земля – плоскость, Солнце подвижно относительно Земли, а время измеряется в ограниченном масштабе. И нас это вполне устраивает. Конечно, лишь до тех, пока мы не отправимся в дальнее плавание, в котором и хронометры, и параллели с меридианами на Земном шаре помогут нам избежать ошибок навигации, опасностей и даже самой смерти. Так и в политике. Обычный человек не увязывает в своем мозгу повышение тарифов на транспорте с фамилией нового министра путей сообщения, удорожание крупы с названием партии, победившей на парламентских выборах. Средний обыватель и не должен задаваться такими вопросами. Политика для него – это плоская гладь предвыборного баннера с ликом улыбающегося кандидата, так же как и Земля плоская в масштабе приусадебного участка. Зачем интересоваться глубже?

Но не будем забывать: если ты не интересуешься политикой, то политика заинтересует тебя!

Однако же, не только обыватели, но и ученые проявляют мало желания проводить глубокий анализ причин и следствий социальных явлений. Научные школы и концептуальные теории в социологии и политологии немногочисленны и довольно-таки поверхностны. Позитивизм, марксизм, историцизм и субъективизм, уже упомянутые выше, и несколько модернизированных вариантов классических парадигм Аристотеля и Платона – вот и все, что мы знаем о государстве. Люди, которые уже несколько тысяч лет используют государственную машину в самых разных благих и греховных целях, похожи на домохозяйек, умеющих включать телевизор или водить автомобиль, но даже не представляющих, как они устроены, что такое соленоид или карбюратор. Исследователи сегодня отмечают, что даже яркое, драматическое и, казалось бы, много раз на протяжении всей истории чело-

вечества повторяющееся общественно-историческое явление, как революция, слабо изучено, и академические мыслители мало внимания уделяют революции в диссертациях и иных научных трактатах. Для жителей Санкт-Петербурга, города четырех революций, которые имели место в истории России в XX веке, непонятно и даже обидно подобное безразличие ученых к этому социальному феномену.

Нельзя не учитывать, что время неумолимо движет нас от одного знаменитого юбилея к следующему. В 2017 году мы отмечаем 100-летие Февральской буржуазной и Октябрьской социалистической революций 1917 года. Не удивительно, что в повестке дня российского общества будет стоять вопрос: а что дала России революционная ломка? Как в течение XX века преобразалась страна, и менялся народ? Остается лишь недоумевать, почему у нас даже нет единого понимания того, какое событие корректно называть революцией, а какое достойно войти в историю лишь как путч, дворцовый переворот, восстание или, напротив, контрреволюция.

Ещё сравнительно недавно события осени 1917 года называли Великой Октябрьской социалистической революцией. Слагали о ней – этой «революции» – стихи, славиле её вождей. От «Великого Октября» вели отсчёт нового времени, строили новую «пролетарскую культуру», проектировали «нового человека». Однако, после распада СССР оценки начали меняться и остывать. Революцию стали именовать «октябрьским переворотом», Гражданскую войну – национальной трагедией, вождей революции – предателями национальных интересов, вражескими шпионами.

Явился ли захват министерских кресел кучкой большевиков-ленинцев при поддержке вооруженных анархистов и эсеров в ночь на 7 ноября (по новому стилю) 1917 года достаточно значимым событием, чтобы подразумевать революционные перемены в структуре Российского государства? Дальнейшая трансформация страны продолжалась несколько десятилетий, и доказать прогрессивность и полезность для народа страны вносимых правящей партией изменений довольно проблематично. Уж очень много людей было убито, казнено, вымерло, эмигрировало.

Социологические опросы свидетельствуют, что сегодня народ и власть как будто бы едины. Однако безоглядное одобрение любых действий власти свидетельствует и об отсутствии у населения чувства собственной политической значимости и ответственности. Во время последних региональных выборов на избирательные участки пришло не более 30% избирателей. Но и эти 30% трудно причислить к политически сознательной части народа: почти треть из них ходили голосовать не потому, что определились со своим выбором заранее, а потому, что «так принято». Более половины населения вообще не следили за избирательной кампанией. Выхо-

дит, значительная часть населения самоустранилась от политики. Запомним это и примем за аксиому: политикой интересуются лишь немногие наши современники. Так, может быть, и в школах не обязательно преподавать основы политологических знаний, которые не потребуются в жизни подавляющему большинству сограждан?

Авторы настоящей книги не разделяют подобную точку зрения. Если мы пойдем по пути упрощения всего вокруг, то и знание алгебры сочтем необязательным, заместив время, отводимое на точные науки, уроками древней мифологии. В конце концов, мы самоизолируемся и в азарте импортозамещения откатимся к натуральному средневековому хозяйству, в эпоху автаркии, за «железный занавес». Встречались же и в те времена люди счастливые!

«Ошибки», допущенные в школьном и университетском образовании, наносят самый длительный и глубокий вред обществу. И мы стремимся внести посильный вклад в дело просвещения, прояснить хотя бы такой узкий предмет, как «революция».

Мы имеем на это право по трем причинам. Во-первых, мы сами были непосредственными участниками демократической революции, произошедшей в нашей стране в 1989-1993 годах, мы видим последствия наших свершений, ошибочных или судьбоносных.

Во-вторых, все темы и научные понятия, которые мы будем использовать в этой книге, освоены нами в университетских аудиториях и апробировались длительное время в общественных дискуссиях.

В-третьих, очевидная путаница и смешение понятий приводят к излишнему многообразию суждений и дискуссий, не приносящих плодов. В этих спорах политиков, публицистов, социологов не рождается истина, и лишь убивается время. А нам жаль терять время, ведь оно невозвратимо.

Разбирая подходы к раскрытию темы революции, мы ощутили царящий в этой области терминологический вакуум и вынуждены были давать определения многим объектам исследования, на первый взгляд, тривиальным. Кроме того, мы убедились в том, что всякое социальное явление – это продукт деятельности людей, их функция, их реакция на внешнее воздействие или проявление скрытого до какого-то момента внутреннего, автохтонного процесса. И этот, казалось бы, совершенно очевидный, тривиальный постулат, заставляет нас обратить пристальное внимание на природу человека, на структуру общества, которое, как все понимают, далеко не однородный конгломерат индивидов. И нам требуется знание количественных и качественных признаков каждой достаточно большой группы населения, которой будет отведена соответствующая роль в революции. Интересны не только рабы и рабовладельцы, не только угнетенные и угнетатели, как трактует классовую структуру общества вульгарный марксизм. Нам

хочется понять и то, почему одни способны стать угнетателями, а другие смиряются с ролью угнетенных, чтобы в один исторический миг вдруг восстать, взбунтоваться и своих угнетателей истребить как класс? И все ли угнетенные восстают или только их небольшая часть? И мгновенно ли происходит восстание по всей стране, или же это процесс, растянутый во времени? И многое что еще.

Прежде всего, мы полагаем необходимым условиться о координатах «пространства политических идей», в котором, как рыба в воде, только и может существовать государство. Затем рассмотрим пути развития государства от простого к сложному и, наоборот, деградацию от современных сложных форм к более примитивным, ведь и такое бывает. Чем обусловлены модернизация государства или реставрация, казалось бы, давно забытых форм управления? Революция это отрезок в поступательном движении государства от простого к сложному – это скачкообразное перемещение в пространстве политических идей. Вектор этого перемещения может быть параллелен одной из осей координат, может не совпадать с ними, и его ориентация должна исчисляться по правилу сложения векторов. По проекциям на оси пространства политических идей вектора революции мы будем судить о том, какова главная цель этой революции: усиление демократии, либерализма или уравнивание в правах граждан страны. В этом, собственно говоря, и заключается вся суть **векторной теории социальной революции**, о которой мы расскажем в данной книге.

Социальная революция – явление общественное, а общество состоит из людей, человеческих индивидов. Движущими силами революции являются индивиды, объединенные в группы, социальные слои, классы общими высокими целями или, может быть, корыстными интересами. Количественный и качественный состав революционеров в наши дни – также предмет настоящей книги.

Власть и оппозиция – извечные герои политических обозревателей и фельетонистов. Что такое оппозиция? Иные политологи всерьез считают, что всякий чиновник, по тем или иным причинам изгнанный из «власти», сразу же превращается в оппозиционера. Справедливо ли подобное мнение? Каковы должны быть лозунги революционной оппозиции, к какому государству должны стремиться прогрессивно мыслящие граждане, претендующие на звание «революционеров», – и это позволим себе наметить и изложить конспективно.

И, наконец, возможно, сделаем попытку ответить на ключевой вопрос: почему же все народы, видя преимущество совершенных форм государственного устройства, их превосходство над архаичными, не предпримут решительных шагов по установлению в своих странах демократии, либерализма, равноправия? Почему столь долго и мучительно-драматично движется все человечество в цивилизацию, почему в отдельных местах на-

шей планеты ещё находим мы жестокие режимы, достойные проиллюстрировать эпоху неолита?

Сразу же предупредим ортодоксальных марксистов-коммунистов, вы не обнаружите ссылки на борьбу классов, как причины революционных преобразований. Авторы избегают опоры на насилие, полагая, что революции вполне могут обойтись и без кровопролития, во всяком случае, теоретически. Насилие, кровопролитие и революция – это не обязательно синонимы. И мы понимаем, что отдельные наши выводы противоречат доминирующей в политологии парадигме, поэтому некоторые ученые могут счесть представленное в книге исследование не имеющим отношения к реальной действительности. Разумеется, мы не стремимся сделать эту книгу академическим учебником, наполненным цитатами и длинным списком ссылок на предшественников, к которым мы относимся с глубоким уважением. Вместе с тем, обращаем внимание на то, что некоторые идеи, которые лежат в основе нашей теории, были высказаны ещё в середине XIX и начале XX века такими выдающимися просветителями, естествоиспытателями, философами и революционерами, как Грегор Мендель, Френсис Гальтон, Чезаре Ломброзо, Владимир Ульянов (Ленин), Лев Гумилев, Питирим Сорокин.

Авторы никого не восхваляют и никого не ругают, резкие замечания в адрес кого бы то ни было, это лишь риторика, и все цитаты и биографические справки взяты нами из открытых источников информации. Ни один класс, социальная группа, политическая партия не являются положительными или негативными героями настоящей книги. Мы просто показываем, что так происходит в действительности, объясняем, почему это происходит, по нашему мнению. А уж хорошо это или плохо, пусть судят те, кто прочитает настоящую книгу. И мы понимаем, что книга не всем понравится, и кто-то, может быть, даже вознегодует на её авторов.

Выдающийся знаток иудейской каббалы Гершом Шолем как-то раз посетовал своему другу, французскому социологу Пьеру Бурдьё, что нельзя использовать одни и те же слова и образы, говоря с евреями из Нью-Йорка, Москвы или Иерусалима. То, что понятно и заинтересует американского еврея, скорее всего, будет скучно или безразлично израильскому или российскому жителю. Хотя эти люди современники, и они внешне очень похожи друг на друга, даже исповедуют общую религию. Их биологические потребности совершенно одинаковы, а вот, поди же ты, мозги повернуты в разные стороны! Значит, угодить всем и мы не сумеем. Кто-то заинтересуется темой, но не согласится с выводами авторов, может быть, не до конца поняв прочитанное, а кто-то из наших современников даже и не возьмет эту книгу в руки, его отпугнет уже само «алгебраическое» название тома.

Авторы не стремятся к тому, чтобы книга стала интересной для всех. И все же мы хотим, чтобы читатели нашей книги получили знания, которые помогут им ориентироваться в причудливых лабиринтах политической

демагогии, подвергать качественному и количественному анализу лукавую риторiku кандидатов в депутаты, а также политиков на государственных телеканалах и колумнистов официальных СМИ. Хотелось бы также, чтобы почерпнутые из книги знания были, хотя бы в общих чертах, понятны жителю любой страны, прихожанину любой церкви, члену любой партии.

Заранее отводим все попытки обвинить нас в том, что в данной книге мы излишне критикуем свою родину. В самом деле, многие примеры и иллюстрации описанных нами закономерностей революции, взяты из российских СМИ, из нашей Новейшей истории. Но ведь опираемся мы также на факты из истории стран Европы и США. Это объясняется лишь тем, что мы гораздо хуже знаем историю стран Азии и Африки, а не тем, что в этих странах действуют совершенно другие законы революции. Мы любим все народы за то, что они одинаково подчиняются биологическим и политическим законам, и все народы движутся вверх по лестнице цивилизации. Только одни оказались чуть расторопнее, а другие несколько отстают. Причем отстающие оказываются в более «выгодном» положении – они видят, куда нужно идти. Первопроходцы же нередко совершают роковые ошибки, за которые народ этих стран расплачивается миллионами жизней. В этом отношении Россия сегодня, ни в коем случае, не является отклонением ни в лучшую, ни в худшую сторону. А в XX веке Россия пыталась даже проторить свой собственный «особый» исторический путь, пройдя через четыре революции.

Авторы надеются, что пригоршню, зачерпнутую из реки времени ради чтения нашей книги, читатели не расценят как напрасно выплеснутую в Лету и не предадут тотчас прочитанное забвению. Ведь река времени не принадлежит только нам, живущим ныне, она будет и дальше струиться, принося грядущим поколениям землян тревоги и радости, и, может быть, унесет кого-то когда-нибудь в водоворот революции. Тогда наша книга явится для него компасом, поможет ему удержаться «на плаву», не потерять ориентацию и обрести способность если и не управлять социальной стихией, то, по крайней мере, не заблудиться, не натворить роковых ошибок, понимая, что происходит с ним, с окружающими людьми, со страной.

И.Е. Репин. 18 октября 1905 года.

Б.М. Кустодиев. Большевик.

Глава 1.

Пространство политических идей

*«Правительство из народа, созданное народом и для народа» – вот суверенное определение демократии.
...Править должен не парламент, а народ через парламент.*

Уинстон Черчилль.

Речь в Палате общин 11 ноября 1947 года.

Существует довольно много вариантов понимания слова «государство». Разных пониманий и толкований. В нашей работе нам никак не обойтись без этого слова, без этого понятия. Вместе с тем, в своей работе мы претендуем более чем на публицистичность. Нам очень важно, чтобы читатель максимально адекватно понимал, что именно мы хотим сказать. В своей работе мы не собираемся удовлетворяться употреблением слов (терминов), рассчитывая на то, что читатель понимает это слово также как и мы. Наиболее важные для нашей работы слова мы намерены превратить в понятия, дав этим понятиям соответствующие определения. Собираемся лишить читателя возможности неправильного (в отношении теории, изложенной в нашей работе) понимания этих наиболее важных слов-терминов. В конце книги такие определения собраны вместе в специальной главе.

Революция невозможна там, где нет государства. Революция это вид, метод, способ... преобразования государства. Не единственно возможный способ, один из возможных, но обязательно – способ преобразования государства. Отсюда следует, что первое понятие, которое нам предстоит ввести, это понятие **«государство»**.

Редко бывает так, что жители страны довольны своим государством. Причем далеко не все люди одинаково понимают, что такое «государство». Для одних – это волокита на таможне, границы страны, необходимость покупать визы для въезда в другие страны, где властвуют иные государства. Для других – это несовершенная и «несправедливая» система пенсионного обеспечения. Для третьих государство – это пышные праздники и военные парады на главных площадях городов. Но даже когда люди своим государ-

ством не довольны, они соглашаются мириться с его существованием. Люди пусть не понимают, но чувствуют, что как бы ни было плохо государство, отсутствие государства еще хуже.

Сегодня на нашей планете существует более двухсот государств. За обозримый исторический период тысячи государств, сменяя друг друга, промелькнули в истории человечества. Какие-то оставили больший след, какие-то меньший. Все они были очень разные, но все при этом были государствами. Значит, всех их что-то объединяло. Значит, у всех у них был какой-то признак, позволяющий нам объединить все эти образования одним термином – государство. Или несколько признаков. Что же это за признак?

Нам представляется, что таким признаком может быть цель существования государства, вменяемая ему людьми, попадающими под его власть, соглашающимися с его властью над ними. Пусть интуитивно, неосознанно, не умея это сформулировать, но все люди вменяют государству одну цель – организацию **сосуществования** людей.

Люди не могут жить без организующего начала. Везде, где волею судьбы оказываются вместе несколько человек, такое организующее начало появляется. Иногда бесконфликтно, иногда в борьбе, даже жестокой борьбе, но такое организующее начало появляется всегда. Рискнем предположить, что группы людей (или еще *недолюдей?*), которые в доисторический период не справлялись с задачей порождения организующего их совместную жизнь начала, просто переставали существовать, сходили с исторической арены, вымирали. У всех видов животных, которые существуют совместно, хотя бы небольшой группой, присутствует организующее начало. В стаях приматов – особенно. Животных организует в стадо или рой инстинкт, человек организует свое сосуществование с другими людьми сознательно, планомерно, приобретая навыки общения в процессе взросления, воспитания. Человек способен даже по своему желанию менять «правила игры», по-разному устраивать сосуществование с соседями, ближними и дальними. В этом отличие человека от животного. И если у группы людей нет инструмента по организации их сосуществования, это группа не людей.

Государство – это инструмент, при помощи которого общество организует сосуществование людей.

В момент, когда два наших доисторических предка, одновременно ухватившись за один банан, не стали силой выяснять, кому же он достанется, а обратились к третьему с просьбой разрешить эту их проблему или, еще лучше, поделить этот питательный плод тем или иным способом, показав-

шимся им справедливым, они из недочеловеков стали людьми, составили первое человеческое общество и изобрели инструмент своего сосуществования – государство. Надо сказать, что силовое решение спора менее выгодно для спорщиков с точки зрения их выживания. Даже слабый соперник, доведенный голодом до бешенства, способен нанести сильному серьезные ранения, что нанесет вред этому сообществу, упростив победу над этими, изранившими друг друга спорщиками, всевозможных хищников. Обращение к авторитетному судье для мирного разрешения спора оказывается эволюционно значительно выгоднее. Следовательно, сообщество, способное организовать свое сосуществование, будет успешнее выживать и размножаться, а государство – это выгодное для выживания вида социальное приобретение.

С тех незапамятных доисторических времен общественная жизнь, а с нею и функции государства многократно усложнились, но *главное* – то, что делает государство государством, ничуть не изменилось. По-прежнему существует только два способа организации сосуществования. Первый – поручение решения вопросов конкретному лицу или органу (вождю, совету старейшин, оракулу, монарху, парламенту, президенту и т.п.). Второй – самостоятельное решение вопросов путем переговоров и соглашений. Договариваясь, пока не согласятся все, кого касается решение вопроса, или пока большинство из них не договорится между собой. Если к этой конструкции добавить некий элемент (элементы), которому поручается обеспечение исполнения принятых первым или вторым способом решений, мы получим схему, эскиз *любого государства*. Любое государство организует сосуществование своих граждан. Способы такой организации сосуществования могут быть самыми разными, но они всегда есть. Где-то граждане участвуют в организации сосуществования, где-то не участвуют. Какие-то способы организации сосуществования нам нравятся, какие-то – не очень, но они всегда есть, и реализует их государство.

Государство – это социальный механизм. Оно состоит из людей, и присваивает себе особые полномочия, которых не допускает у других индивидов, «государственную машину» не составляющих. Как только кто-то скажет «государство», все остальные сразу же вспоминают о насилии. Государство – это узаконенное насилие.

Классик политологии Макс Вебер начал с того, что выделил монополию на легитимное насилие как основную черту государства. Крупный современный политолог Дуглас Норт, профессор Вашингтонского университета в г. Сент-Луис (США), классифицируя принципы построения и динамики развития государства, указывает, что государство создается, чтобы обуздать хаотическое насилие, царившее в первобытном обществе охотни-

ков-номадов. Государство в целях устранения насилия в обществе само должно быть «насильником», принудить людей к миру и послушанию. Д. Норт не касается стратегий принуждения через установление правил, согласно которым каждый становился виновным и управляемым. Далее нам придется обсуждать, как связаны между собой принуждение общества государством к миру и ощущение угнетения, которое испытывают люди при чрезмерном принуждении.

«Как вы лодку назовете, так она и поплывет». Очень глубокая мысль! От того, как вы определите государство, зависит многое. Вот, например, есть такое определение: *Государство – это институализированная власть политической элиты, то есть осуществляемая посредством органов и учреждений, объединенных в единую иерархическую систему.* При таком определении государства любое покушение на власть политической элиты, а уж тем более революционное покушение, есть антигосударственная деятельность! Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Такое определение подразумевает, что политическая элита должна быть всегда. Не будет политической элиты, не будет и государства. Поскольку нечего и некому будет «институализировать». Сразу же вспоминается известное произведение «Конец истории». Понятно, в угоду кому клепаются подобные «научные» определения, пишутся подобные книги.

«А как же демократия?» – спросит авторов этого определения наивный читатель. «Ведь демократия подразумевает управление государством ВСЕМИ гражданами!». Да, при таком определении государства словосочетание «демократическое государство» становится оксюмороном. Ничего удивительного, ведь именно такая цель (разделение государства и демократии) и ставилась авторам этого и подобных ему определений теми, кто оплачивает их кропотливый труд.

Мы считаем, что государство может быть и демократическим и недемократическим, и авторитарным и тоталитарным, и монархическим и теократическим... Любым, если при помощи этого социального механизма общество организует сосуществование людей. В Российской империи крестьян вполне устраивало монархическое государство. В гитлеровской Германии немцев вполне устраивало национал-социалистское государство. В СССР людей вполне устраивало сталинское государство. Не всех, но большинство членов общества государство почти всегда устраивает. А что случается, если не устраивает, об этом мы поговорим в следующих главах.

Из сказанного выше уже понятно, что инструменты-государства разнообразны. Невозможно исследовать что-либо, если это что-либо не систематизировать. Хаотичное и интуитивное представление о государстве выгодно лишь тем, кто в этом государстве командует. И эти люди как раз ни-

чего исследовать и совершенствовать в государстве не желают. Нам же совершенно необходимо систематизировать столь разнообразные инструменты-государства. Систематизировать таким образом, чтобы каждое хоть когда-либо существовавшее государство нашло в нашей систематизации свое закономерное место. И не только каждое существовавшее, но и такие, которые пока еще не существовали, но могут существовать. Так называемая «наука» политология нам в этом помочь, к сожалению, не может. Политология на современном этапе своего развития не выработала такой всеобъемлющей классификации. Все, что может предложить нам политология, это линейное «право-левое» расположения государств. Но такой способ «систематизации» не выдерживает критики. Какое, например, государство располагается левее: христианское или демократическое? А как быть с государствами, имеющими в самоназвании более одной характеристики? К систематизации нужен более продуктивный подход. Таким подходом может быть переход от линии к объемному пространству.

Все политические идеи, так или иначе описывающие разнообразные государства, могут быть вполне закономерно расположены в трехмерном политическом пространстве. В трехмерном **пространстве политических идей**.

Рис. 1-1. Пространство политических идей

Для закономерного расположения политических идей одного измерения недостаточно. В противовес линейной идее «левые – правые» мы предлагаем трехмерную модель политического пространства. Давайте сгруппи-

руем политические идеи не по одной оси: левые – правые, а по координатам трех осей, то есть в некоем объеме, пространстве (рис. 1-1).

Предлагаемая модель является объемным трехмерным пространством политических идей, в котором можно достаточно определенно найти положение того или иного государства. Эта модель, к сожалению, все ещё не является обязательной для изучения студентами, и нам приходится снова и снова возвращаться к этой теме. Более пятнадцати лет назад эта модель пространства политических идей опубликована. С нею ознакомлены ученые и общественные деятели. Но, к нашему удивлению, эта теоретическая концепция не только не подвергается критике, но даже не обсуждается теми, кто, казалось бы, лично заинтересован в том, чтобы получить новый инструмент исследования политики, социальных явлений, государственного устройства.

Особенно тревожит нас то, что на страницах газет и книг красноречивые публицисты и талантливые ученые, уважаемые политики и популярные вожаки народных масс, говоря о своих целях и мечтах, продолжают путаться в таких «трех соснах» как свобода, народовластие, равноправие. И даже, похоже на то, что сами они этого не сознают!

Авторы настоящей книги чувствуют себя в положении астронома или географа, который тщетно толкует неандертальцам о сторонах света. «Да, – соглашаются ученики, кутаясь в обрывках шкуры мамонта, – мы согласны, что Солнце встает с одной стороны земной плоскости, а опускается на другом краю. Факт очевидный и бесспорный. Можем дать название этим сторонам. Но, какое практическое значение имеет для нас север или юг, зенит или надир?» Человек, заблудившийся в лесу, сегодня, в отличие от неандертальца, может рассчитывать на спасение, даже не зная географии, взглянув на спутниковый навигатор или просто двигаясь до какого-нибудь поселка, просеки, дороги, реки. Цивилизация снижает риск погибнуть в джунглях от голода или в зубах хищника. А вот оказавшись в бескрайнем океане, без географии уже не обойтись. Никакое голосование не поможет определить верное направление для спасения, если никто не умеет обращаться с компасом, не знает расположение звезд и основ навигации. В такой ситуации люди обречены на гибель. Попробуйте объяснить это неандертальцу, который никогда не уходил даже за *Большой бугор!*

Та же ситуация и с политическими координатами. Нам представляется, что мы знаем и понимаем общество, в котором живем. И мы уважаем идеалы, стараемся двигать страну по тернистому пути к либерализму и демократии. Смолоду у нас на слуху такие символы эпохи, как «права человека», «плюрализм мнений», «демократические выборы», «свобода слова». Но как только мы пробуем построить из этих символов какую-нибудь по-

лезную конструкцию, то сразу убеждаемся в том, что эти элементы как бы из разных плоскостей многомерного пространства, и для их сопряжения требуются дополнительные преобразования или «скрепы». И стоит только отойти на шаг от своей привычной и уютной семейной, школьной, производственной «пещеры», как мы столкнемся с деспотией власти, вопиющим неравенством, коррупцией и казнокрадством, а также с полным пренебрежением вашим мнением со стороны «демократов».

Об этом пел В.Высоцкий:

*«Мы в очереди первыми стояли,
а те, кто сзади, они уже едят!»*

Или вспомните строки из песни В.Высоцкого к фильму «Бегство мистера Мак-Кинли»:

*«Ваш кандидат – а в прошлом он лабазник –
вам иногда устраивает праздник.
И не безлики вы, и вы – не тени,
коль надо бросить в урны бюллетени!
И ничто без вас не крутится –
армии, правители и судьи.
Но у сильных в горле, словно устрицы,
вы скользите, маленькие люди!»*

Почему же для одних «свобода слова» или «демократия» – ценности, а для других – досадная шелуха, засоряющая шестеренки государственного механизма? Одни стремятся адаптироваться и встроиться в систему власти, сложившуюся в стране. В следующей главе мы назовем таких людей **прократиками**. А другие – **антикратики** – ругают власть и норовят эту систему видоизменить. При этом антикратики, нередко, спорят между собой, что же лучше: монархия или демократия, власть старейшин или социализм? А корректно ли эти политические идеи противопоставлять? Понять это невозможно до тех пор, пока рассуждающий не слезет с линейной оси политических идей, пока не выйдет в политическое пространство.

К сожалению, биологами и педагогами замечено, что не все люди одинаково ощущают и понимают пространственные модели. Если с обычной геометрией на плоскости – треугольниками, окружностями, параллельными прямыми – почти все школьники справляются, запоминают, то в старших классах стереометрия многим не по уму. Пирамиды, объемы шара и бублика – это уже «высшая математика» для многих людей. И это нормально! Не всякий из нас, глядя на выкройку в журнале, представит, как будет выглядеть платье или пиджак. Для этого требуется талант кутюрье.

Не всякий справится с задачей, элементарной для архитектора-строителя, – по чертежу представить и понять, как будет выглядеть дом. И все же продолжим знакомить читателей с нашей моделью. Ведь мы полагаем, что модель пространства политических идей чрезвычайно проста и доступна для восприятия каждому заинтересованному читателю. Тем более что авторы – не архитекторы и не портные.

Мы предлагаем расположить политические идеи, по трем осям координат, и не сравнивать понятия, которые принадлежат разным осям пространства политических идей. Сколько бы люди ни спорили и ни ругались, они никогда не смогут договориться, что лучше – круглое или красное. Никогда!

Договориться, что лучше – круглое или квадратное, красное или синее в принципе уже возможно. Нужно только решить для чего мы собираемся использовать это круглое или квадратное, красное или синее.

Задача политического пространства – разделить круглое и красное, зеленое и тяжелое...

Свобода или подчинение?

Первой и наиболее важной осью политического пространства является ось безусловных ценностей: **человек – общество – государство**. На одном конце этой оси расположена политическая идея №1, согласно которой каждый человек является наивысшей ценностью – центром вселенной, ради которой всё существует и функционирует. Общество – это совокупность отдельных личностей, не должна иметь ни на какую личность никаких прав, не должна иметь никаких интересов, противоречащих интересам отдельной личности. Государство – некий инструмент, предназначенный для организации сосуществования людей и, так же, как и общество, не имеющих никаких прав на отдельную личность и никаких интересов, интересам этой личности противоречащих. Согласно этой политической идее у человека есть только три рода обязанностей – не нарушать таких же, как у него, прав других людей, исполнять обязательства, которые он добровольно на себя принял, и платить налоги на содержание государства. Государство обеспечивает выполнение этих обязанностей каждым человеком.

Эта политическая идея предполагает наличие у каждого человека максимально возможного объема свободы, поэтому наиболее подходящее название этой политической идеи – **либерализм**.

Каждый студент знает, что в любом учебнике перечень политических идей должен начинаться с либерализма. Потому, что либерализм, в сущно-

сти, является идеологией промышленного Запада; подчас его понимают даже как религию, способную охватить самый широкий круг противоречивых ценностей и взглядов. Но мало кто даже из самых вдумчивых студентов сможет сформулировать кратко, что он лично понимает под этим политологическим термином – «либерализм»: от чего надо освобождать, кто, когда и чем поработил кого-то, нуждающегося в освобождении?

Хотя, как вполне сложившаяся политическая доктрина, либерализм утвердился не ранее начала XIX века, отдельные его элементы формировались в течение предшествующих трех столетий. По сути, либерализм – это продукт распада феодализма и становления рыночного, или капиталистического, общества. Ранний либерализм, естественно, выражал устремления поднимающегося промышленного пока еще среднего класса; с тех пор либерализм и капитализм тесно, если не сказать неразрывно, связаны друг с другом в умах людей.

И все же сама идея «свободы» и «воли» – это свойство генетически присущее человеческому сознанию. «Я свободен!» – радуется школьник, потому что заболел, и ему не надо идти в школу. «Скоро меня выпустят на волю», – мечтает узник, хотя в заключении его кормят и одевают, а «на воле» придется самому заботиться о жилье и пропитании. Задолго до промышленной революции все люди понимали, что раб несвободен, потому что – исполнитель чужой воли, а рабовладелец по отношению к рабу свободен. Но по отношению к императору и рабовладелец несвободен, поскольку император может по своей прихоти ограбить или казнить рабовладельца! Выходит, свобода – относительное понятие. Мало помалу свобода индивида стала все более противопоставляться подчинению индивида государству (императору, феодалу, президенту, правящей клике). Напрашивался вывод: освободить людей надо от гнета государства!

К началу XIX века либеральные идеи Дж. Локка и Ш. Монтескье трансформировались в пропаганду свободного капитализма и осуждение всяких форм государственного вмешательства в экономику. Это и стало краеугольным камнем классического либерализма – экономического либерализма XIX века. В конце XIX века, однако, возникла форма социального либерализма, осознававшего необходимость социальных реформ в интересах низших классов и государственного вмешательства в экономическую жизнь, чтобы защищать индивида и от государства, и от могущественных корпораций.

Здесь мы напоминаем об этом только для того, чтобы читателю стало понятно – данное нами определение понятия «либерализм» имеет мало общего с обычным толкованием этого слова.

Мы называем жителя страны, гражданина индивидом, вкладывая в этот философский термин, политический смысл. Индивид означает в переводе – неделимый. Индивид – это человек, автономный и в большой степени самодостаточный. Индивид – носитель большого количества свойств, признаков. Единичное, есть то, что принадлежит только одному человеку. Например: гены, отпечатки пальцев, индивидуальный стиль в труде, почерк и т.д. Если собрать все единичное в человеке, то получится индивидуальность. Индивидуальность каждого человека – величайшее богатство общества. Каждая индивидуальность – неповторимый бриллиант (или, по крайней мере, алмаз), которые вместе составляют бесценную кладовую общества. Либерализм «заточен» на то, чтобы ради пользы всего общества предоставить индивиду как можно больше возможностей для проявления полезных свойств его индивидуальности. Такие задатки, как склонность к пьяным дракам и девиантному поведению маньяка-душителя, разумеется, либерализм отвергает, и способствовать им не будет. Это вытекает из формулировки первой обязанности человека: не нарушать таких же, как у него, прав других людей.

Обычно, мы не отдаем себе отчета в том, что индивид – неповторимое, незаменимое. Мы привыкли к тому, что «нет людей незаменимых». При либерализме ценна жизнь каждого человека, что противоположно ценностям «государственников». Для них человек – пушечное мясо или серый «рабочий класс», «вата» для ватника, который согревает тело элиты. Для демократа-этатиста весь народ – это «массы», которыми должно управлять государство во благо самих же «народных масс». Такими были, кстати говоря, взгляды большевиков-ленинцев. Для демократа-либерала «народные массы» не существуют, а есть индивиды, которые живут в одно и то же время и хотят, чтобы у них была возможность удовлетворять свои потребности при посредничестве государства, чтобы другие индивиды не посягали на их права, закрепленные в основных законах государства.

Люди – не безликая «органическая масса», они не похожи друг на друга, вот почему трудно сложить из них некое государственное здание, фаланстер, как рабочий барак из одинаковых кирпичей. Один человек тверд, но мал, другой с округлыми гранями, третий велик по размеру и причудлив по форме. Как из таких камней строить дом? Замечено ещё в Библии – камень, отвергнутый строителями, стал во главе угла. Так бывает. Хорошим или плохим для каждого по-своему делает окружающий мир не бог, а контактирующие с нами люди и обстоятельства. Индивид с характером революционера в период консервации, застоя или реставрации никому не нужен. Но стоит стране стать на рельсы модернизации, как тут же рево-

люционерам предлагают места машинистов во всех «бронепоездах», выводимых с запасных путей.

Суть либерализма заключается в том, что у человека ни перед обществом, ни перед государством нет никаких обязанностей, кроме тех трех, о которых сказано в нашем определении либерализма. Повторим их ещё раз: не нарушать таких же, как у него, прав других людей, исполнять обязательства, которые он добровольно на себя принял, и платить налоги на содержание государства.

На противоположном конце оси ценностей расположена **политическая идея №2**, согласно которой государство – это всё. Человек – это винтик, роль и функция которого определена государством. Любое предписание государства законно и подлежит неукоснительному исполнению. У человека нет никаких самостоятельных целей. Общество – инструмент государства, помогающий методами солидарной ответственности (один за всех и все за одного) принудить индивида исполнять любые предписания государства. Название этой политической идеи – **этатизм**.

Этатизм – весьма популярная в последние века политическая идея. Никто иной, кроме государства, не способен осуществить общую волю народа. С этим трудно спорить. Особенно, если это будет «общенародное» государство, а не власть помещиков, капиталистов или иных отдельно взятых групп населения, элиты финансовой, этнической или религиозной. В ходе Великой французской революции эта идея «общей воли», сформулированная Ж.-Ж.Руссо, по сути своей – социалистическая, получила практическое воплощение в виде все более усугубляющегося этатизма. Знаменитый якобинец М.Робеспьер и его сторонники использовали идеи Руссо для оправдания массового террора. Главным средством утверждения «общей воли» стала гильотина. За несколько лет той революции на гильотине погибло 17 тысяч человек, среди которых были как сторонники монархии, так и сами революционеры.

Оппозицию либерализму и идее народного суверенитета составила политико-правовая теория Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. Восторженное отношение к Французской революции и Наполеону к концу жизни Гегель утратил. Он стал критиковать демократию и защищать прусское полицейское государство, которое казалось ему (не бескорыстно) реализацией политической разумности. Он поставил государство выше общества и личности. Личность приобретает свободу, выполняя свой долг перед государством. Само государство вправе защищать себя от людей, чьи убеждения нарушают общественный порядок.

Собственно говоря, в современном коктейле из «патриотизма» и «державности» нетрудно разглядеть именно этатизм. Это мировоззрение

имеет глубочайшие исторические корни. Ещё Платон (427-347 гг. до н.э.), основатель философского идеализма, выступал с апологией реакционной уже тогда формы правления – сословной аристократии. Адекватной политической формой идеального государства Платон считал аристократическую республику, в которой верхушка господствующего рабовладельческого класса, обладающая якобы пониманием высших идей, диктаторскими методами правила бы всей остальной массой населения. Вот уж кого по справедливости следует назвать основоположником этатизма, апологетом государства для винтиков.

Руководя государством, поучает Платон, надо отодвинуть в сторону личное усмотрение и опираться, прежде всего, на религию и законы (выраженные, прежде всего, в неписаных обычаях), которые отныне станут самым тщательным образом регламентировать всю публичную и частную жизнь граждан. Тем, кто попытается ниспровергнуть или же пошатнуть существующий государственный строй, грозит смертная казнь. Такова участь борцов за свободу индивида – либералов – в государстве Платона. Возможное количество обязанностей человека по Платону ничем не ограничено. Разве что недостатком изобретательности государства.

В истории человечества оставила свой глубокий след и ещё одна идея – политическая идея примата общества над государством – не менее древняя, чем идея этатизма. Обоснование этой политической идеи мы находим уже у Аристотеля, затем в эпоху Просвещения у Ж.-Ж. Руссо. Идея общей воли народа может быть реализована только государством, но сама общая воля есть воля общества, а не правящей элиты. Все должно принадлежать обществу, а не отдельным индивидам. *«Частная собственность – есть кража»*, – такой лозунг Прудона не мог порадовать ни либералов, ни этатистов.

И мы на схеме (рис. 1-1) расположим примерно в центре оси безусловных ценностей **политическую идею №3**, согласно которой наивысшей ценностью является общество. Общество ставит цели жизни и развития своим отдельным членам. Общество дает оценку действиям человека с точки зрения их полезности для достижения целей общества – его сохранения и развития. Человек вправе преследовать любые цели, не противоречащие интересам общества как целого, обязан соблюдать права других людей, исполнять свои добровольные обязательства и все предписания общества, направленные на достижения его, общества, целей. Государство обеспечивает выполнение этих обязанностей каждым человеком. Наиболее подходящее название этой политической идеи – **социализм**.

Как видим при этатизме и социализме общество и государство как **средство достижения чужих целей** меняются местами. Обе эти политиче-

ские идеи предусматривают подчинение индивида либо государству, либо обществу, тогда как либерализм, напротив, постулирует подчинение и общества, и государства интересам каждого индивида. В этом коренное отличие либерализма от социализма и этатизма.

Ось источников права

На протяжении всей первой оси присутствует элемент – государство, объем и характер функций которого в зависимости от положения на оси изменяются. Но как государство образуется, что является источником его власти? На эти вопросы отвечают политические идеи, расположенные вдоль второй оси пространства политических идей – оси источников права.

На одном конце этой оси расположена **политическая идея №4**, согласно которой все граждане данной страны являются источником государственной власти и, следовательно, все они не только вправе управлять государством, но к тому же имеют для этого реальные возможности. Это управление может осуществляться гражданами непосредственно или через своих представителей. Наиболее подходящее название этой политической идеи – **демократия**.

На другом конце этой оси расположена **политическая идея №5**, архаичная, древняя, первородная, согласно которой государственная власть под тем или другим (иногда благовидным) предлогом может осуществляться единолично. В зависимости от предлога или способа достижения власти она может называться монархия, диктатура, тирания и т.п. Наиболее подходящее название для этой политической идеи – **деспотия**. История демонстрирует нам большое число разнообразных промежуточных вариантов деспотического управления государством – триумvirатов, директорий, семибоярщин и других узурпаций.

Сегодня в СМИ слово «демократия», пожалуй, наиболее часто встречающееся. Каждый публицист или телекомментатор использует этот термин, где ему угодно и в каком угодно смысле. Демократия, по мнению одних, это источник всех сегодняшних бед. По оценке других, демократия – это панацея от всех социальных недугов. Стоит ли удивляться, что революционеру задают два вопроса. Первый: что все-таки лучше для простого человека и для элитария – деспотия или демократия? Второй: почему, если, например, демократия лучше деспотии, все люди на Земле во всех странах уже в давние времена не установили демократическое государственное устройство? А если и установили, то почему-то, как древние греки или древние римляне, сами же и отказались, вернулись к авторитарным формам

государства, монархиям, тираниям? Демократические революции «ни с того ни с сего» трансформировались в деспотические реставрации. Эти ключевые вопросы волновали лучшие умы человечества на протяжении всей известной нам истории цивилизации.

Очевидно, дать на них научно обоснованные ответы не так просто, как кажется на первый взгляд. На ранних этапах развития человеческой культуры государству придавали сакральность – божественное происхождение и недоступность человеческому разумению. Конечно, такая позиция жрецов и мудрецов импонировала правящей в те давние времена элите, монархам и деспотам, владыкам Востока и императорам Запада. Религиозно-мифологическое истолкование природы властных отношений и социальной иерархии не позволяло простолюдинам вмешиваться в сложившуюся систему отношений, консервировало «божественность» какого-нибудь фараона «навечно». Согласно древним мифам, земная организация жизни имеет божественное происхождение и является отражением общемирового «космического порядка». Боги передают власть земным правителям и, как правило, за спиной царей, оставаясь невидимыми, но всемогущими, вершат земные дела.

Рациональная идея – более поздняя ценность человеческой цивилизации. Она зародилась на Дальнем Востоке в голове Конфуция. Этот китаец – Кун Фу-цзы – за 500 лет до рождения Христа посмел при рассмотрении проблем власти и социального порядка использовать вместо мифологии философско-этический подход, объясняющий эти явления через призму достижения общего блага и справедливости. Подобная тенденция прослеживается в учениях Конфуция, греческих философов, политико-правовой мысли Рима. Как же решалась дилемма демократия-деспотия в античности?

Древние греки поклонялись богам и атеистов или богохульников казнили, невзирая на лица. Земные же дела учредители Олимпийских игр вершили, основываясь на сложившейся практике управления городами-государствами. Центром древнегреческой цивилизации стал афинский полис периода расцвета демократии (VI-V вв. до н.э.). Демократические процедуры предусматривали участие свободного мужского населения в работе народного собрания и принятии решений, равенство граждан перед законом, право на занятие выборной общественной должности. Другое дело, что не каждый афинянин считался гражданином. К власти не допускались приезжие, женщины, малоимущие (кто, скажем, не имел хотя бы одного раба), конечно, сами рабы. В целом народ тогда был темен, суеверен и эмоционален. Интернета не изобрели, и даже до телевидения было ещё очень далеко. Любили смотреть трагедии и комедии в театрах. И в жизни следовали драматургической кальке. Иррациональность принимаемых афински-

ми гражданами решений приводила к нестабильности политической жизни. Нередко цели, одобренные общим голосованием, были, по мнению мудрецов, далеки от оптимума, и ряд философов сделали свой выбор не в пользу демократии. Среди тех, кто разделял аристократические (антидемократические) взгляды на правление, были Пифагор, Гераклит, Сократ. Править, по их мнению, должен не весь народ, а только лучшие люди, добродетелью которых является мудрость. Отбор лучших – это уже следующий и тоже весьма скользкий вопрос. Ошибаются люди сплошь и рядом в решении этой задачи, не только отдельные индивиды, но даже безупречные правящие партии. Как понять, например, что пятикратно награжденный орденом Ленина, руководитель советского атомного проекта Л.П. Берия оказался «иностранным шпионом», развратником и негодяем?

Как видим, уже в древности ученые смешивали ряд элементарных понятий политики: государство отождествляли с обществом, постулировали неизбежность кастово-классового, сословного деления всех жителей страны.

По мнению Платона, справедливость как принцип совершенного государства заключается в том, что каждое сословие – правители, воины, ремесленники и торговцы – занимается своим делом и имеет свое особое положение в общественной иерархии. Иерархичность социальной структуры, последовательно усложняясь, подводит нас к мысли о том, что на вершине политической пирамиды должен находиться высший *главноначальствующий* (деспот), и это будет хорошо для общего же блага. Постулируется и то, разумеется, что деспот мудр, великодушен, дальновиден, не скуп, не себялюбив, а наоборот, щедр к народу и готов на самопожертвование ради блага страны. Ну, прямо как Нерон или Калигула.

Идеальное государство, реализованное в форме монархии (царской власти) либо в форме аристократии (правления философов), вырождается в тимократию (власть воинов), затем в олигархию (власть немногих, которую Платон понимает как плутократию – господство богатых). Уже в древности понимали, что у самого демократичного по образу мышления народа нет иммунитета против постепенного скатывания демократического государства к деспотическим формам государственного управления.

Чрезмерное имущественное неравенство вызывает возмущение народа, что приводит к утверждению демократии, которая затем, через охлократию – власть черни, толпы, заменяется наихудшим государством – тиранией. Круговорот государственных форм завершается возвращением в идеальное состояние. Но сам Платон не раскрывает механизма облагораживания тирании. Демократию же он рассматривает как несовершенную форму государства, что, видимо, было продиктовано неприятием греческим мыслителем ее практического воплощения в афинском полисе: решения народа

не всегда были мудры, демократическими процедурами часто пользовались авантюристы для прихода к власти. Да и жил-то знаменитый философ уже после завоевания Афин спартанцами.

Ученик Платона Аристотель по праву считающийся классиком античной политологии, впервые предложил схему двумерного политического пространства. Проанализировав государственное устройство в известных ему странах Древнего Мира, он выделил два критерия для характеристики форм правления. Количественный критерий указывает на то, сколько властвуют: один, немногие, большинство. Качественным критерием являются принципы, лежащие в основе власти: законность и забота об общем благе – своеобразный «социализм». Формы государства, базирующиеся на этих принципах, Аристотель признал правильными и соответственно те из них, где правители нарушают законы и заботятся только о собственных интересах, – неправильными. Подобный подход уже встречался у Платона, но Аристотель внес существенные изменения в схему своего учителя. Хорошая власть одного – это монархия, извращением которой является тирания. Власть немногих, основанная на добродетели и воспитании, – аристократия – «правительство, сформированное из самых лучших людей». Ее искажением является олигархия – власть, основанная на богатстве и устранении от власти большинства населения. Третьей правильной формой Аристотель признает **политию**, или **конституцию** – правление большинства, признающего закон. Ей противопоставляется демократия, где во власти преобладают бедные, не имеющие необходимого воспитания и качеств для того, чтобы заниматься управлением. Объектом критики Аристотеля является крайняя демократия, где не действуют законы, а фактически властвуют демагоги. В то же время его трактовка политики как правления большинства на основе закона в определенной степени соответствует нашему современному представлению о демократии.

Мудрецы древности противопоставляли деспотию демократии, отдавая предпочтение со многими оговорками власти народа. В Средние Века классики политической науки Никколо Макиавелли и Жан Боден, во-первых, отделили государство, как отдельный субъект, от народа и общества, во-вторых, ввели понятие «суверенного сюзерена» – единовластного владельца земель, который ради общего блага всех живущих на этой территории устанавливает законы и сам же следит за их исполнением. В трудах этих мыслителей эпохи феодализма лучшей формой правления выступала деспотия в форме просвещенной монархии или олигархической республики, в которых законодательством занимается лишь очень небольшая часть граждан.

По мере усиления «среднего класса», появления значительных масс свободных ремесленников, торговцев, наемных, а не закрепощенных работников, возрождается и политическая идея демократии. Скучно жить, если тобой, родившимся, например, в семье фермера или какого-нибудь парфюмера, помыкают гордые дворяне или лицемерные клирики. И тем, и другим приходится тебе, как подданному, платить деньги, а размер этих плат устанавливает монарх. А лучше бы, чтобы эти решения, касающиеся карманов всех жителей страны, принимали избранные в парламент представители всех жителей – не только дворян и церковников, но и фермеров, и парфюмеров!

Появляются фантазии Томаса Мора и Томмазо Кампанеллы, в которых социальное равенство связано с уничтожением частной собственности, всеобщей обязательностью труда, с равным распределением общественных благ. Утописты-романтики описывали политический строй, который можно назвать аскетической демократией. Все должностные лица – выборные. Жители равно довольствуются скромным бытом, рациональным питанием, убогими развлечениями. Жить в такой стране ещё скучнее, чем в феодальном королевстве.

Начало Нового времени связано с формированием идеологии Просвещения, которая интеллектуально подготовила так называемые «буржуазные» революции. Идеология основывалась на убеждении в способности человеческого разума познать действующие в мире законы и изменить всю систему общественных отношений. Политическая мысль начинает уделять большое внимание проблеме индивида как гражданина и характеру его взаимоотношений с государством. Однако, вопрос о том, кто должен быть источником государственной власти – все жители страны или какой-нибудь один, «самый лучший» – остается открытым.

Возникает договорная теория происхождения государства, трактующая его появление как результат сознательной деятельности людей. Теория опирается на предположение, что люди пребывают в двух состояниях: естественном – без государства и гражданском, основанном на государственной власти и юридических законах. Самые известные версии договорной теории были созданы учеными с существенно различающимися убеждениями: Т. Гоббсом, сторонником абсолютной монархии, отстаивавшим неделимый характер государственной власти, Дж. Локком, основоположником теории либерализма в политике, и Ж.-Ж. Руссо, отцом классической теории народного суверенитета. Создав государство, предполагает Ж.-Ж. Руссо, люди не отдают себя под власть суверена, а остаются носителями верховной власти. И сами люди делегируют эту власть всевозможным го-

сударственным институтам, начиная от монарха и всяких иных сюзеренов-суверенов, заканчивая парламентом. Последнее, конечно, лучше.

Как видим, споры либералов и этатистов, демократов и сторонников деспотии не утихали во все времена. Продолжаются они и в наши дни. Главной ошибкой всех спорщиков является смешивание понятий и сопоставление политических идей, которые мы, как говорилось ранее, предлагаем разместить на разных координатных осях пространства политических идей. Ведь в споре, что лучше: зеленое или тяжелое, – победителей не будет!

Проблема несогласия спорщиков, путаница в умах усугубляется тем, что и в школьных учебниках подросткам разъясняют такие «атрибуты демократии», на самом деле к демократии отношения не имеющие. Так, ссылаясь на Конституцию России (1993), учителя объясняют школьникам, что Россия формально и официально – демократическое государство. Это значит, что мы – граждане этого государства – по закону обладаем демократическими свободами и правами. Что такое «демократические свободы», как не ошибочное сливание в одну дидактическую «кастрюльку» демократии и либерализма, то есть гибридизация понятий, никак не пересекающихся в пространстве политических идей!

К «демократическим свободам» школьные политологи относят, в первых, неотъемлемое право на жизнь, затем право на уважение личности, достоинства человека. Демократичным является и обещание государством своим гражданам свободы и неприкосновенности, в случае необходимости – тайны личной и семейной жизни, защиты чести и доброго имени каждого гражданина. В демократической России все формально имеют право на свободу совести, свободу вероисповедания, свободу мысли и слова, свободу труда, свободу массовой информации. И только на последнем месте в этом комплексе «демократических свобод» учителя размещают все же право граждан участвовать в управлении делами государства, которое на практике реализуется, прежде всего, в том, что по достижении совершеннолетия, все жители страны имеют право участвовать в выборах разных уровней – начиная с местных и заканчивая президентскими. А ведь это право граждан – первый и единственно необходимый атрибут демократии! Все остальное можно осуществить и в деспотическом государстве!

Деспотия может существовать в самых разнообразных формах. В историческом прошлом она выступала в образах древних тираний, абсолютных монархий и различных аристократических режимов. И многие люди в те времена и в тех странах жили счастливо, сытно и безопасно. Заметим, что некоторые либеральные и демократические революции на нашей планете плавно трансформировались в контрреволюции, приводящие к воцарению в стране этатизма и деспотии. За примерами далеко ходить не надо:

якобинская диктатура и империя Наполеона во Франции; диктатура Кромвеля в Англии; диктатура большевиков в России.

Не меньшая, как с деспотией, путаница существует и в понимании сути демократического политического режима. Не только в России, но и во всем мире. В середине XX века ЮНЕСКО призвала ученых разработать понятие «демократия». Тогда было дано несколько десятков определений. Сегодня же специалисты насчитывают до полутысячи трактовок демократии. Наиболее часто в книгах используют довольно простое и ясное определение австрийско-американского социолога Йозефа Шумпетера, предложенное им в 1942 году: *«Демократия – это институциональное устройство, в котором индивиды приобретают право принятия решений в результате конкурентной борьбы за голоса людей».*

Обращаем внимание читателей, что само использование такого концепта как *«институциональное устройство»* предполагает наличие такого устройства, которое можно уже и ставить в пример другим. К нашему сожалению, государства с таким устройством на планете Земля не было, нет, и вряд ли в ближайшее время таковое появится. Но не это главное. Право принимать решения приобретает победитель в конкурентной борьбе! Даже «демократ» Черчилль провозглашал иное: «Править должен не парламент, а народ через парламент!» *«Институциональное устройство»* только тогда может быть признано демократическим, если оно обеспечивает принятие решения ВСЕМИ, пусть и, например, через парламент. Почти никто из нынешних политиков-политологов этой обязательной характеристики демократии не признает.

Другие исследователи обращают внимание на систему сдержек и противовесов в ветвях власти и между ветвями власти. При демократии, по их мнению, должен соблюдаться баланс и взаимные ограничения: ни глава исполнительной власти, ни парламент не должны быть гегемонами в демократической стране. Но в данной модели исчезает влияние народа на власть. А какая же власть без народа? Тоже своеобразная идея, далекая от реальности.

Третьи (А. Пшеворский, Д. Аджемоглу, Дж. Робинсон) предлагают альтернативу: либо есть в стране демократия, либо её нет. В стране, где правящая политическая партия никогда не теряла власть, демократии нет, считают они. Такое государство – недемократия. Здесь в качестве основного критерия, как видим, используется политическая конкуренция и смена правящих элит. По этому признаку после 1996 года Россия перестала быть демократией, поскольку правящая партия (под разными названиями) всегда имеет большинство в Государственной Думе, хотя регулярно проводятся относительно свободные и сравнительно честные выборы, от участия в ко-

торых ни одного избирателя не отстраняют. И в Японии с демократией слабовато, поскольку за 70 послевоенных лет правящая либерально-демократическая партия лишь один раз потеряла власть.

Мы даем свое определение демократии.

Демократия – это политическая идея, предусматривающая, что источником государственной власти являются все граждане данной страны, и все они не только вправе управлять государством, но имеют для этого реальные возможности.

Кажется, это понять просто, но большинство политологов сегодня вкладывают в термин «демократия» такие разнонаправленные достижения цивилизации, как разделение властей, свобода слова, гендерное и этническое равенство и много чего еще.

В переводе с греческого «демократия» означает «власть народа» (*demos* – народ, *cratos* – власть). Афористичное определение демократии, ставшее классическим, было дано американским президентом Авраамом Линкольном в его известной краткой геттисбергской речи (1863), состоявшей всего из 272 слов. Вспоминая победу над южанами, А. Линкольн напомнил, что кровь проливалась ради того, чтобы в Штатах победила власть народа, волей народа и для народа. Но, несмотря на очевидность трактовки демократии как народовластия, существует ряд проблем, относящихся к содержанию и функционированию демократии. Эти вопросы вызывают серьезные споры, что нашло отражение в появлении разных теорий демократии.

Упор делается на различные позитивные свойства государств, в которых установлена демократия: свободу (либерализм), равенство (марксизм), участие народа в принятии решений (партисипаторная теория, или демократия участия), конкуренцию за голоса избирателей между элитами (элитаристские теории). Как мы показали выше, свобода и равенство не тождественны демократии и лежат в иных «измерениях» политического пространства, поэтому следует все же больше внимания уделить тому, как народ может управлять государством, и что народу в этом содействует, а что мешает. И сразу же надо пояснить, что и «народ», и «граждане», и «управлять» – эти термины в разные времена ученые и политики понимали совсем не одинаково.

Исследуя историю происхождения семьи, частной собственности и государства Ф. Энгельс пришел к выводу, что в каменном веке демократия была доминирующей формой правления, ведь решения принимали все взрослые члены рода или племени, если можно так выразиться, консенсусом. Альтернативой общему собранию обезьянолюдей являлся вождь или

верховный шаман. Так демократическая форма правления и деспотическая существовали рядом и развивались синхронно. В период разложения первобытного общества возникает военная демократия, где народ, иными словами – имеющие право участвовать в управлении и осуществлять правосудие, состоял лишь из вооруженных мужчин. И здесь мы видим смешивание идеи политического равноправия (эгалитаризма) с демократией. Лишение права голосовать и участвовать в управлении многих членов сообщества – женщин, хлебопашцев, свинопасов, ремесленников – не отменяло само по себе принципа демократии, но лишь сужало круг тех, кто достоин стать «избирателем».

Первобытное общество выглядит довольно путаным и сложным в части «государственного» устройства. Гносеологическая ошибка классика марксизма, по-видимому, состоит в том, что у обезьянолюдей, которых он возводит в родоначальники демократии, не было государства, они ещё государство, как инструмент налаживания взаимодействия индивидов в обществе и защиты интересов отдельных граждан и групп населения, не придумали. Наша векторная теория революции и модель пространства политических идей применимы к любому государству, как инструменту или «механизму». На нашей планете осталось очень немного человеческих сообществ, не подозревающих о том, что свое сосуществование они организуют посредством государства. Они – где-нибудь в экваториальных или островных джунглях. Там модель пространства политических идей не найдет благодарных потребителей.

В древних Афинах, подаривших миру опыт первой прямой политической демократии, под народом – демосом – понимались только взрослые свободные мужчины. Именно они имели право лично участвовать в работе народного собрания и голосовать. Женщины, рабы, метеки (лично свободные переселенцы) политических прав не имели. Афинская демократия, как мы знаем, была тиранией «большинства».

Глубинное понимание греками сути демократии проявлялось в институте остракизма. Очевидно, что наибольшую опасность для демократии – самоуправления – представляют те отдельные граждане, которые в состоянии отнять власть у большинства или выманить ее у них. Против тех, кто захочет власть отнять лекарство одно – меч. А вот что делать с теми, кто может власть выманить? С теми, кто может сделать так, что мы сами ему эту власть отдадим? Потом-то мы пожалеем, но будет уже поздно. Обратную власть отобрать значительно труднее, чем её отдавать.

Выманить власть может тот, кому большинство будет готово отдать власть добровольно. Тот, кто пользуется такой популярностью, что на его просьбу отдать власть, большинство, те, у кого он пользуется популярно-

стью, отдадут ее добровольно. Значит нужно не допускать такой популярности ни у кого. Превентивно!

И вот в Афинах регулярно проводились голосования черепками (остракизм), на которых каждый гражданин должен был ответить на вопрос: кто, по его мнению, уже завоевал среди нас такую популярность, что это стало представлять опасность для нашей демократии? Каждый гражданин царапал на черепке чье-то имя, и если чье-то имя оказывалось намного популярнее других, этот кто-то отправлялся в почетное изгнание в свое имение. Лет на пять-десять. Никаких других прав, кроме права жить в столице, его не лишали. А дальше все просто, с глаз долой из сердца вон. За эти пять-десять лет популярность такого гражданина падала, и он переставал своей популярностью представлять опасность демократии. Важно понимать, что остракизм это не наказание, а всего лишь превентивная мера.

Так был отправлен в ссылку стратег и политик, победитель персов при Саламине, Фемистокл со словами: *«Ты – лучше нас, а нам не нужно лучших»*. Изгнал демос также Кимона и Фукидида. Хотели даже избавиться и от влиятельного деятеля афинской демократии Перикла. Не успели. Помешала очередная война со Спартой. Он умер во время эпидемии в осажденных спартанцами Афинах. Вскоре после этого Афины пали под натиском монархической Спарты, демократия потускнела, но с исторической сцены полностью не сошла.

Сегодня остракизму мы никого не подвергаем, но должны же появиться и соответствующие времени механизмы реализации демократических принципов и защиты демократии. Может быть, таким механизмом является система политических партий, каждая из которых выражает интересы определенного класса общества? Условимся, что партии не декоративные, и они не питаются из одного финансового «рога изобилия». Допустим также, что партии, как и полагается в теории, реально конкурируют между собой в борьбе за избирателей и за финансы.

Основа демократии – политическая конкуренция партий. Вот тезис, который сегодня безраздельно царит в общественном сознании. Настолько безраздельно, что сторонники этого тезиса даже не утруждают себя какой-либо аргументацией. Так ли это, так ли важны партии для реализации демократии? В чем собственно конкурируют сегодня политические партии? Давайте разбираться. И начинать надо с определения понятия «политическая партия».

Политическая партия – это часть народа, объединившаяся с целью завоевания власти.

Возможно, у каких-то политических партий есть и другие цели, но эта главная цель для политической партии обязательна. Наличием этой цели политические партии отличаются от любых других объединенных и организованных частей народа, таких как, например, акционерные компании или общества филателистов. Структурировать партии можно и нужно именно по способам достижения этой цели.

Что нужно партии для того, чтобы достичь указанной цели – мирно захватить власть в государстве? Партии нужно, чтобы за нее проголосовало как можно больше избирателей. Избирателям всегда что-то не нравится в окружающей действительности. Тот, кто ругает недостатки, или то, что избиратели считают недостатками, не может этим избирателям не понравиться. *«Так жить нельзя!»* – лозунг на все времена. Отсюда вывод: нужно как можно громче и как можно злее ругать недостатки и ты выиграешь, во всяком случае – приобретешь голоса многочисленных сторонников. Партия, которая против всего плохого, никого не отталкивает, всех только привлекает. Если, конечно это «плохое» плохо для большинства, если именно большинство считает это плохим. Нас не должно удивлять, что даже правящая партия всегда ругает недостатки, делая вид, что не она в этих недостатках повинна. Это совершенно правильный, вполне оправданный ход. Народ глуп, и не в состоянии понять этого парадокса. В конкуренции двух мыслей (если, конечно, такая конкуренция возникает): *«Какие молодцы, как ругают недостатки!»* и *«А не они ли в этих недостатках сами и виноваты?»*, всегда в народе побеждает первая мысль. Так что правящей партии нужно аплодировать, когда она ругает недостатки.

Более того, педалирование темы «недостатков» подспудно внедряет в подсознание избирателей мысль о том, что правящая партия собирается что-то менять, собирается эти недостатки исправлять. Раз мы живем плохо, что-то нужно менять. То есть мы, правящая партия, не собираемся мириться с этими недостатками. Но, поскольку мы люди опытные (коней-то на переправе не меняют!), мы справимся с ликвидацией недостатков лучше, чем любая другая партия.

Ругать недостатки выгодно всем партиям, и все партии это делают.

В чем же заключается «конкуренция» между партиями по этому параметру? Ровно в том же, в чем заключается конкуренция между продавцами одинакового товара – в талантливой рекламе! Ключевой момент здесь в том, что сам товар, если разобраться, имеет в этой игре второстепенное значение. В такой конкуренции побеждает тот, у кого реклама лучше. Именно этим объясняется такая востребованность политтехнологов политическими партиями. Всеми без исключения. Так кто же победит в такой конкурентной борьбе? Тот, кто сможет купить лучшую рекламу! Ошибки в

политической рекламе очень дорого стоят политическим партиям. Достаточно вспомнить самолет СПС.

Итак, ругать недостатки выгодно всем. Может быть, не менее выгодно давать предложения по устранению этих недостатков? Как бы не так!

Способов устранения конкретного недостатка всегда больше одного. Одним избирателям, считающим, что недостаток нужно устранять, правильным кажется один способ его устранения, а другим избирателям – другой. Предлагая конкретный способ устранения недостатка, политическая партия теряет тех избирателей, которые считают правильным все другие способы его устранения. Это плохо. Этого допускать нельзя! Именно поэтому все политические партии стремятся избежать хоть какой-то конкретики в своих позитивных предложениях. Все политические партии стремятся изложить свои политические предложения как можно туманнее. Никаких конкретных действий и объектов для исправления. Противоположных тезисов в программах современных политических партий практически нельзя отыскать. Идеальная программа политической партии хорошо известна: против всего плохого, за все хорошее.

Никаких шансов победить в «конкурентной борьбе» партий не имеет любая партия, заявляющая некий конкретный тезис. Причем, не важно, с каким знаком этот тезис произносится. Никаких шансов не имеет ни партия, провозгласившая: «Мы за легализацию однополых браков», ни партия, провозгласившая: «Мы против однополых браков». В конкурентной борьбе с ними победит партия, вовсе промолчавшая, не высказавшая никакого отношения к такой болезненной проблеме или, на худой конец, высказавшаяся так неопределенно, что это высказывание оттолкнет от нее (а любое высказывание оттолкнет) как можно меньшее число избирателей.

Но так было не всегда. Еще сто лет назад политические партии старались различаться именно позитивной конкретикой. Какие-то атавизмы прошлого остались и в программах современных партий.

Неидеологическая политическая партия – это партия, для которой власть является единственной целью политической борьбы.

Идеологическая политическая партия – это партия, для которой власть является средством для достижения и каких-то иных целей.

Когда мы говорим о том, что для некоей партии власть является единственной целью, мы, конечно, имеем в виду, что эта партия собирается из обладания властью извлечь не только удовольствие от обладания властью, но и какую-то другую для себя пользу, выгоду. Не обязательно криминальное обогащение. Возможно, членам этой партии достаточно будет распре-

делить среди себя все государственные посты и получать официальную зарплату и другие привилегии, вытекающие из обладания государственными постами. Но только для себя.

Когда мы говорим, что для некоей партии власть является средством для достижения и каких-то иных целей, мы имеем в виду, что эта партия собирается предпринимать некие шаги для изменения (или сохранения) существующего положения в каком-то важном для этой партии секторе общественной жизни или в нескольких секторах. Возможно, эта партия собирается изменить общественно-политическое устройство в стране. А возможно всего лишь легализовать употребление наркотиков или вернуть смертную казнь. Важно, что без обладания властью эта «иная» цель не достижима. Для достижения своей «иной» цели идеологической партии необходимо прийти к власти, иначе эта ее «иная» цель не достижима.

Очевидно, что в современной политической борьбе (борьбе за власть, за участие во власти) идеологические политические партии проигрывают политическим партиям неидеологическим. И получилось так, что в первой четверти XXI века в России нет ни одной идеологической партии, просочившейся во властную элиту. Возможно, что выпадение из власти «Яблока» и СПС как раз связано с тем, что они оказались недостаточно неидеологическими партиями. У них оказалось слишком много несторонников. Не противников, то есть сторонников каких-то других партий, а просто несторонников, то есть избирателей, которые нашли в их программах или просто в высказываниях лидеров этих партий что-то такое, что показалось им не совсем совпадающим с их идеальной картиной правильного мироустройства.

Так что же еще должны делать политические партии для победы в «конкурентной» борьбе с другими политическими партиями? Они должны, как черт от ладана, бежать от всякого проявления своей «идеологичности». Всякое проявление идеологичности снижает конкурентоспособность любой политической партии в ее борьбе за власть или даже за участие во власти в качестве статиста. Перечитайте программу самой «идеологичной» из всех участвующих во власти политических партий – КПРФ. Возможно, вы удивитесь, насколько размыта, стерта коммунистическая составляющая в этой программе. А, возможно, и не удивитесь после того, что было сказано выше в этой книге.

В качестве примера вспомним, как победила на выборах «Единая Россия» в 2003 году, получив 223 места в Государственной Думе России (120 по списку и 103 в одномандатных округах). Вскоре единороссами был выдвинут законопроект, предусматривающий такие поправки к действующему Федеральному закону «Об акционерных обществах», которые позволяют без согласия акционеров, владеющих малым количеством акций, эти акции у них «выкупать». Чем и занялись сразу же крупные акционеры. Напомним, что в ходе «ваучерной» приватизации в 1993 году многие жители

России получили маленькие доли многих российских предприятий. Множество россиян, в частности, рабочие акционированных предприятий, превратились в миноритарных акционеров. Возможно, люди надеялись, что впоследствии они смогут регулярно получать некие дивиденды на свои акции. Если не сразу, то в будущем... Как правило, за десять лет никаких дивидендов никто из миноритарных акционеров не получал. Может быть, только акционеры «Газпрома» и некоторых других крупных госкорпораций. А спустя десять лет и это призрачное имущество было у народа отнято.

И хотя президент России счел предложенную процедуру неконституционной, закон был принят думским большинством, а Конституционный Суд России рассматривал этот вопрос и не нашел в такой процедуре ущемления прав собственников. Проголосовали бы избиратели за «Единую Россию», если бы в программе этой политической партии был запланирован отъем имущества миноритарных акционеров? Уж точно, «миноритарии» не проголосовали бы.

Приходим к выводу, что россияне в массе своей стали беднее оттого, что демократия в России остается лишь декорацией, лишь способом получить власть, которым воспользовалась группа лукавых политиков. И все ещё в течение двадцати лет политическую власть удерживает. И далее, если уж обобщать и продолжать индукцию, демократии меньше – бедности больше. Причем, на первом месте в этом суждении стоит недостаточность демократии. Мы не вправе совершать перестановку: чем больше бедности, тем меньше демократии. Бедность народных масс вытекает из недемократического устройства государства, а не наоборот. Интуитивно это понятно. Какой смысл беднякам, которых всегда больше богачей, поддерживать на выборах состоятельных кандидатов-элитариев? Скорее народ проголосует за своих представителей, таких же малоимущих, как большинство населения. А эти представители начнут борьбу за перераспределение доходов в пользу своих малоимущих избирателей, чего богачам, конечно же, не хотелось бы. Значит, если в стране народ бедный, и власть принадлежит ничтожной кучке богачей, опирающейся на штыки или религиозно-идеологические догматы, то о какой демократии мы можем вести тут речь? Малочисленная элита, присваивающая львиную долю национального дохода, может сохранять власть только в недемократическом государстве.

Вывод о связи уровня жизни людей с демократией, практически полезный для каждого гражданина, делают экономисты, сравнивающие различные страны по доходам населения и уровню демократии. Правда, за признак демократии они берут разнообразие представительства и количество общественных и коммерческих организаций, в той или иной мере независимых от государства.

Есть исследователи, которые находят корреляцию между уровнем демократии в стране и доходами населения. Чем больше демократии, тем на-

род в такой стране богаче.

Все исследователи обращают внимание на развитие политических институтов, как признак демократии, в частности, политических партий. И возвращаясь к вопросу о партиях, мы должны оценить, является ли наличие партий необходимым признаком демократии?

Партия должна конкурировать с другими, выживать, бороться за избирателей, следовательно, уклоняться от определенной идеологии. Однако же, политическим партиям полностью убежать от идеологичности удастся не всегда. Особенно это касается партий с историей политической борьбы, таких как КПРФ, «Яблоко», СПС. Тогда им приходится либо размывать свою идеологичность, либо проигрывать в политической борьбе. Некоторые партии изначально создавались так, чтобы идеологичность не могла им помешать в их конкурентной борьбе.

Консервативная идеологическая политическая партия – это идеологическая партия, готовая отстаивать уже достигнутую свою иную (кроме власти) цель.

Оппозиционная идеологическая политическая партия – это идеологическая партия, готовая бороться за достижение своей иной (кроме власти) цели.

Теперь давайте задумаемся, а нам-то что нужно? Нам нужна такая конкурентная борьба? Или нам нужно что-то иное? Является ли такая конкурентная борьба обязательным атрибутом демократии?

Нам нужна демократия, то есть власть народа, всего народа. Не власть, осуществляемая (партиями) от имени народа, а осуществляемая самим народом через своих совершенно свободно избранных представителей. Какую пользу могут принести партии для решения этой задачи?

Если основу демократии по-прежнему будет составлять политическая конкуренция партий – никакой. В выборах участвуют представители партий, а не народа. Если народ привлекают к голосованию за того или иного партийного кандидата, то это отнюдь не значит, что одержавший на таких выборах победу депутат является представителем народа. Этот депутат – представитель партии. Точно по определению Йозефа Шумпетера (с. 41) этот индивид *приобрел право принятия решений в результате конкурентной борьбы за голоса людей*. Партия победила другие партии в конкурентной борьбе и в результате получила возможность принимать решения независимо от мнения избирателей других партий.

Конкуренция политических партий это конкуренция рекламных кампаний, причем по рекламированию сформированного недемократическими методами списка конкурирующих товаров. В конкуренции участвуют исключительно различные марки кофе, но я не хочу вообще пить кофе. Я хо-

чу пить чай или кумыс. Политическая конкуренция партий заведомо лишает меня возможности пить чай. Я могу вообще не пить, но пить чай не могу. Ведь проголосовать мне предоставляют возможность и даже настаивают на этом за тот или иной «сорт кофе» – за ту или иную из допущенных к выборам партий. Это правильно? Это демократично?

В политические партии сегодня объединено около двух процентов населения (любители кофе). Почему только они имеют право решать, образно говоря, какой напиток мне пить? Если внимательно присмотреться к «политической конкуренции партий», то оказывается, что под этим эвфемизмом скрывается прямо противоположное – «монополия политических партий». Именно политические партии монополизировали власть народа. Причем не только в нашей стране. Монополия это всегда плохо. Почему же это считается благом в политической жизни? Не лукавство ли это правящей элиты? А ведь вся политическая система заточена именно под такое конкурентное преимущество партий, именно это конкурентное преимущество позволяет под именем демократии осуществлять то, что мы видим вокруг. Вбивает в головы народу, что только партии это и есть демократия.

Вместе с тем, если лишить партии их монопольного преимущества, никакого вреда от них не будет. Партии превратятся в политические клубы по интересам. Доминировать же в политике станут представители остальных 98% населения – свободно избранные депутаты народа. При условии соблюдения равенства прав и возможностей подобных независимых от партий кандидатов на выборах. Вот что такое демократия.

Эта политическая идея витала в воздухе и питала умы политиков на протяжении всей истории человечества. Не забывали о демократии даже в самые «темные» и тиранические времена. Замечательно, что в Средневековье, во время расцвета феодальных деспотий, разнообразные бунтовщики и заговорщики, как среди элитариев, так и простолюдины, затевая государственный переворот, всегда обращались к идее демократии, созывали народные сходы, съезды представителей всех сословий или хотя бы представителей олигархии и аристократии. В случае же своей победы, эти средневековые «революционеры» не только не давали развития идее демократии, но старались о ней позабыть и заставить своих недавних сторонников разочароваться в этой идее. А ещё чаще огнем и мечом избавлялись от самых памятливых и неусмиримых демократов.

В зависимости от форм участия народа в осуществлении власти выделяют прямую и представительную демократии. В прямой демократии между волей народа и ее воплощением в решения нет опосредующих звеньев – народ сам участвует в обсуждении и принятии решений на сходе граждан или путем референдума. Понятно, что ни в большой стране, ни даже в крупном городе прямая демократия не может быть осуществима на постоянной основе.

Законодательство многих стран предусматривает и непосредственные формы участия граждан в законотворчестве. Так, в декабре 1993 года одновременно с выборами депутатов Государственной Думы было проведено голосование по проекту новой Конституции России.

Мировой опыт показывает, что вопросы, выносимые на референдум, могут быть самыми разнообразными: замена монархии республикой (Греция, 1974), о независимости какой-либо территории (Канада, провинция Квебек, 1995), разрешение разводов и аборт (Италия), переход от президентской республики к парламентской (Армения, 2015).

В представительной (репрезентативной, парламентской) демократии воля народа выражается не прямо, а через институт представителей, поэтому ее еще называют делегируемой демократией. Депутаты, политические лидеры, получив «мандат доверия» от народа через процедуру голосования, должны воплотить эту волю в принимаемых законах и решениях. Между народными представителями и теми, кого они представляют, устанавливаются отношения, основанные на полномочиях и ответственности представительной власти перед гражданами.

Главным вопросом представительной демократии, как следует из сказанного выше, является способ избрания представителей. Если это представители партий, то они представляют лишь малую долю населения. Если это выдвиженцы партий, за которых на выборах проголосовали избиратели, то надо ещё оценить насколько эти избранные могут считаться представителями проголосовавших за них граждан? Мы приходим к выводу, что система и способ выборов представителей – это важный элемент политической системы, без которого плодотворная и гуманная идея демократии остается лишь идеей, никакой практической пользы жителям страны не приносящей.

Ось использования права

Наряду с правом государственного управления, определяющим положение государства на оси источников права, каждый человек теоретически может обладать (или не обладать) и иными разнообразными правами. Эти права могут быть зафиксированы в Конституциях государств, чтобы подданные монарха или граждане республики не забывали, что могут трудиться и отдыхать, учиться и лечиться, жениться и путешествовать, а могут быть нигде не зафиксированы. Все государства – члены ООН – сегодня как бы признают наличие у своих граждан всех тех прав, которые изложены во Всеобщей декларации прав человека. Признают-то признают, да вот на проверку оказывается, что граждане разных государств обладают разным объемом прав из довольно обширного списка. Но, что еще более важно – в одном государстве разные граждане обладают разными правами. У одних

граждан государства может быть один объем прав, а у других граждан – другой. Эти факты не нашли отражения на первых двух осях, следовательно, появляется необходимость во введении третьей оси в нашей модели политического пространства – **оси использования права**.

На одном конце данной оси расположена **политическая идея №6**, согласно которой есть люди (человек) первого и других сортов. Людям первого сорта принадлежат все права, обусловленные положением государства относительно первой и второй оси, а остальные люди не имеют никаких прав. Причем принадлежность к первому сорту может определяться разными обстоятельствами – такими как национальность, религия, происхождение, состояние счета в банке и т.п. Наиболее подходящее название этой идеи – **исключительность**.

На другом конце третьей оси расположена противоположная **политическая идея №7**, согласно которой все люди политически одного сорта и никакая исключительность не допускается. Каждый человек обладает точно таким же объемом прав, как и любой другой. Наиболее подходящее название этой политической идеи – **равноправие**.

С тем, что люди непохожи друг на друга, трудно спорить. Один более талантливо, чем сверстники, играет на трубе, а другой интуитивно лучше понимает, как печь пирожки. Есть способные к технике, кто, даже не имея инженерного образования, справится с починкой велосипеда, а есть дипломированные инженеры, которые затрудняются вколотить гвоздь или повесить люстру. Это не вина человека, что он рассеянный, слишком высокорослый или не умеет петь, а особенности его организма, физиологии, нервной системы. Имеются ли у нас основания тех, кто не поет хором, не скопил денег или не марширует с нами в ногу, ограничивать в каких-либо правах, например, в праве на образование или в праве на жилище? В упомянутой Декларации сказано, что нет, ограничивать таких людей мы не должны. А если человек имеет странную форму носа, иной цвет кожи или верит не в того бога, в которого верим мы с вами, тогда его надо ущемлять в правах? Как бы этого хотелось многим даже в наше время! Однако же законодатель не велит... В действующей Конституции нашего государства это обстоятельство зафиксировано в ее статье 19: *Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.*

Как видим, в России и других цивилизованных странах декларируется равенство всех прав и свобод, независимо от каких бы то ни было обстоятельств и отличительных признаков. Но мы-то понимаем, что от декларации до реализации дистанция огромного размера. Поэтому положение того

или иного государства на оси использования права зависит не от деклараций, а от фактической реализации принципов равноправия.

Идея равенства людей перед богом – то есть их равенства как личностей, или просто личного равенства – важна именно потому, что люди не одинаковы. Об этом не раз говорил Т. Джефферсон, один из основателей Американской республики, сам весьма незаурядный и талантливый человек. Различные системы ценностей, разные возможности и вкусы приводят к тому, что люди будут хотеть жить совершенно по-разному. Равенство их как личностей требует, чтобы другие уважали это их право, а не навязывали бы им свои принципы и суждения.

Подобным же образом Алексис де Токвиль, замечательный французский политический философ и социолог, в своем классическом труде «О демократии в Америке», написанном после его длительного пребывания в Соединенных Штатах в 30-х годах XIX века, отмечал, что наиболее выдающейся особенностью Америки является равенство, а не правление большинства.

«Аристократическое начало, – писал де Токвиль, – бывшее в Америке всегда слабым с самого ее зарождения, в наши дни если и не уничтожено, то, по крайней мере, настолько ослаблено, что ему трудно приписать какое-либо влияние на положение дел в стране. Наоборот, течение времени, ход событий и законодательство наделили здесь демократическое начало значением не только решающим, но и в своем роде единственным и исключительным. Здесь нет и следов подвластности авторитету семьи, касты или сословия. (...)

Таким образом, в своем общественном устройстве Америка представляет собой самое необычайное явление. Люди здесь являются более равными друг другу по своим возможностям и умственному развитию, или иными словами, в более одинаковой степени значительными и могущественными, чем в любой другой стране мира в наши дни или в любую эпоху, память о которой сохранила история».

Заметим, что это написано в то время, когда и в США, и в России ещё существовало рабовладение! Да и неравенства, связанного с толщиной кошелька, де Токвиль тоже не заметил.

Неравенство дается людям от природы, сделавшей нашу наследственную копилку полной разнообразных задатков и особенностей организма. Трудно предугадать, у кого в следующем поколении людей какие из этих задатков реализуются, а у кого останутся скрытыми. И на протяжении этой оси координат пространства политических идей – оси равноправия – нам уж совершенно невозможно ожидать каких-либо милостей от природы. Люди должны равноправия добиваться сами. Для этого, как писали гуманисты два и даже три века назад, предназначено государство. Государство, изначально создаваемое как орудие подчинения народа правящему классу,

по мере совершенствования и гуманизации нашей цивилизации должно превращаться в гаранта равноправия своих граждан.

Физические различия, имеющие биологическую основу, неодинаковые материальные возможности, имеющие социальные истоки, в современном государстве не должны противоречить политической идее равноправия. Так ли это?

Идеи превосходства одних людей над другими, одних стран над своими соседями столь прочно укоренились в мозгах людей, что никто не считает их чем-то неприличным или абсурдным. Большинство встречных ответят вам, что это нормально, что «так уж устроен мир». Бедные и богатые были всегда. Язычники и христиане друг друга не любят, причем и те, и другие одинаково ненавидят атеистов. Захватит власть язычник – прижмет христиан. А приди к власти атеист, он и храмы закроет и идолов опрокинет.

Многих людей увлекает идея превосходства в мессианском значении. Наш народ богоизбран – это в древности. Задача нашей страны – строить самое передовое общество, поддерживать мировой порядок рублем и мечом – это характерно для граждан СССР. В нашей стране граждане самые богатые – это для «державы», которой и на глобусе не найдешь, такая ничтожная территория.

Материальное неравенство чаще других «неравенств» обсуждается и бросается в глаза. Передовые государства стараются уменьшить эту форму неравенства между людьми, оттого в такие страны хлынул поток «беженцев» из стран, где государства не уделяют должного внимания этому фактору, не в силах или не хотят ограничить это неравенство.

Стремящиеся на резиновой лодке за европейской мечтой мигранты могут взорвать западный мир, все чаще выказывают озабоченность политики на Западе. Почему же люди так стремятся попасть в Германию, Францию, Великобританию?

Германия расходует на миллионную армию беженцев до €55 млрд в год (по другим оценкам €28 млрд). Из них в 2015-2016 годах €24 млрд составили прямые госрасходы на содержание 2 млн беженцев. Благодаря профициту бюджета немцы пока что в состоянии тратить на мигрантов.

А как же не бежать в Европу? В развивающихся регионах 1,2 млрд человек живет менее чем на \$1,25 в день, а 2,4 млрд человек обходятся двумя *заработанными* долларами в день. Для сравнения, во Франции беженцу *дают* в среднем 12 долларов ежедневно.

Интересно, что, по данным за 2014 год, выходцы из России занимали второе место по числу как просителей убежища во Франции, так и по числу получивших искомый статус. Прошения подали 4200 россиян, убежище получили 1200 человек. У ворот Франции россиян обогнали выходцы из Демократической республики Конго (5500 человек). По количеству положительных ответов лидировали сирийцы – 1500 получивших убежище.

Мы постулируем, что демократия и равноправие не связаны между собой, находясь в разных «измерениях» пространства политических идей. Но некоторые ученые полагают, равноправие стоит рядом с экономическим равенством, а без демократии в стране и равенства в смысле материального обеспечения достигнуть нельзя.

Так, Дарон Аджемоглу (профессор экономики в Массачусетском технологическом институте) и Джеймс Робинсон (профессор экономики в Чикагском университете) дают весьма четкий ответ в культовой книге современного либерализма «Почему одни страны богатые, а другие бедные»: *«Такие страны, как США и Великобритания, стали богатыми потому, что их граждане свергли элиту, которая контролировала власть, и создали общество, в котором политическая власть распределена более равномерно, правительство подотчетно гражданам и реагирует на их требования, а экономические стимулы и возможность разбогатеть есть у широких слоев населения».*

«Хотя от экономических институтов зависит, будет страна бедной или богатой, именно политика и политические институты определяют выбор этих экономических институтов», — полагают Аджемоглу и Робинсон. И далее они пишут:

«Проводите реформы, делайте свои институты более совершенными, то есть более демократичными, повернутыми к народу лицом, а не полицейским щитом, заставьте власть работать на благо общества, вкладывайте в образование и здравоохранение – вот рецепты борьбы с неравенством. И конечно, надо руководствоваться старым принципом: какими бы болезнями ни страдала сегодня демократия, от них есть только одно средство – больше демократии».

Равноправие воспринимают часто и как гендерное равенство. По положению мужчин и женщин разные страны существенно различаются между собой. Государства в этих странах не уделяют должное внимание гендерному равенству. Люди не обращают внимания на эту проблему. А проблема существует.

Судя по соцопросам, большинство россиян считает, что женщины и мужчины в России пользуются равными правами. А международные рейтинги свидетельствуют, что по уровню равноправия полов Россия находится далеко не в авангарде, занимая места в пятом или шестом десятке. Международные организации полагают, что равенство женщин не только в том, уступают ли дамам сидячее место в общественном транспорте. Среди социологов принято замерять равенство одинаковой зарплатой за равный труд (а этого нет нигде!), доступом к образованию, ролью, которую женщины играют или не играют в управлении страной или предприятием. Много ли в России женщин, готовых выдвинуть свою кандидатуру на выборах президента или губернатора?

И снова в этом неравноправии виновата биология. Когда работодатель видит перед собой женщину, особенно молодую, особенно недавно вышедшую замуж, у него сразу мысль, что долго она не проработает. Родит ребенка и работником станет никаким. А государство чадолюбивому работодателю ведь премию не обещает! В этом смысле интересен опыт северо-европейских стран, где необходимый по уходу за ребенком отпуск положен не только женщинам, но и мужчинам. Так идет борьба с дискриминацией женщин, и без развития демократии, конечно, одним лишь указом монарха это сделать непросто.

Политическое неравноправие заключается в том, что некоторые категории граждан лишены пассивного и активного избирательного права. Не допускают их баллотироваться в депутаты и голосовать на выборах. В России в прошлом преуспели в этом большевики, лишившие в 1920-е годы права голоса «буржуев» и их пособников, дворян, кулаков и подкулачников. Совестно за демократию в Советской России? А ведь и в других демократических странах с выборами дело обстояло не лучше. В США женщин допустили к выборам лишь после 1920 года. Первыми латиноамериканскими странами, которые ввели всеобщие, относительно честные выборы (но только для мужчин!), были Аргентина и Уругвай в 1912 и 1919 году соответственно, но другие, такие как Сальвадор и Парагвай, сделали это только в 1990-х – спустя почти полтора столетия после Соединенных Штатов.

США являлись первопроходцами в сфере политического равенства женщин. В соответствии с конституцией штат Нью-Джерси в 1776 году наделил женщин избирательным правом наравне с мужчинами (однако имущественный ценз исключил из списков избирателей замужних женщин, не имевших собственности), где избирателями объявлялись все «жители» без указания половой или расовой принадлежности. Женщины Нью-Джерси, вместе с «чужаками, цветными или неграми», утратили право голоса в 1807 году под предлогом борьбы с фальсификацией выборов, после чего голосовать могли только белые мужчины. В 1869 году маленький штат Вайоминг вновь заострил вопрос гендерного равенства и предоставил женщинам право голоса, но мужчины в других штатах не торопились делиться своей политической властью с женщинами. Лишь в 1920 году женщины США получили это право. А в России женщин допустили к избирательным урнам в ноябре 1917 года. В 1893 году в Новой Зеландии, первой из существующих ныне стран, было предоставлено право голоса женщинам. В наши дни женщины лишены избирательных прав в четырех государствах: Брунее (власть в стране сосредоточена в руках султана), Саудовской Аравии (абсолютная монархия), Объединённых Арабских Эмиратах (там и мужчинам не всем можно голосовать; на выборах 2011 года только примерно 12% от общего числа граждан, как мужчин, так и женщин, получили право принять участие в голосовании), Ватикане.

Женское избирательное право прямо закреплено в Конвенции о политических правах женщин и в Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, принятых ООН соответственно в 1952 и в 1979 году.

Бороться с неравенством необходимо с той же интенсивностью, что и за демократию, во всем мире. Только бегством в страны, где пособие беженцу выше, чем минимальная заработная плата на твоей родине, и женщинам платят побольше, от неравенства в мире не избавиться. Необходим глобальный штурм бастиона исключительности.

Развитие, основанное на социальной справедливости, которая, в свою очередь, неразрывно связана с равноправием, имеет фундаментальное значение для достижения социально, экономически и экологически устойчивого будущего для всех жителей Земли. Если же правящая элита в стране довольна своим социальным, экономическим и даже экологическим положением, то государство будет сохранять, консервировать свое положение в пространстве политических идей неопределенно долго. Во всяком случае, долго по меркам живущего активного поколения. Никакого движения к равноправию, демократии и либерализму в таком государстве не происходит. Царит «стабильность», и вдруг случается революция.

Революция

Теперь самое время поговорить о революции, о том, что авторы настоящей книги понимают под этим термином. Только после введения понятия «политическое пространство» у нас появляется возможность объяснить читателю, что же такое революция.

Революция и государство. Государство и революция. Даже интуитивно многие чувствуют, что эти понятия очень тесно связаны. Революции (как и контрреволюции) затеваются для изменения государства. Вместе с тем, к моменту наступления революции государство уже всегда есть. Иначе нечего было бы революционно изменять.

Напомним, государство – это инструмент, при помощи которого общество организует сосуществование людей. Всякий инструмент может быть усовершенствован!

Многие столетия в истории человечества общество было поделено на властвующих и подвластных. Как следствие этого обстоятельства инструмент по организации своего сосуществования общество конструировало в лице своей властвующей части. Властвующая часть всегда – меньшинство. Именно представители этой небольшой части общества договариваются между собой по вопросу государственного устройства, такого, какое выгодно именно этой небольшой части общества, а остальных жителей при-

зывают или заставляют подчиниться порядку, выгодному меньшинству, тем, кто в данный исторический момент является элитой. Прочим же внушают, что установленный режим правления полезен всему народу. Новым поколениям жителей внушают, что власть элите дана богами, с которыми спорить нельзя, внукам и правнукам, что режим существовал «всегда». Народ верит. Сомневающихся – за колючую проволоку! Пусть сомневающиеся будут подальше от легковерных, тогда управлять легковерными проще, дешевле!

Но революции все-таки случаются! Если революция это изменение государства, то закономерен вопрос: какое же изменение (изменения) было бы правильно назвать революцией? Неужели, любое?

Революция в переводе на русский язык – это переворот. Переворот чего? Переворот к чему? Французские гуманисты в XVIII веке уверяли, что революция – это возвращение искаженного общественного устройства к первобытному «естественному» состоянию свободы, равенства и братства людей. Сегодня революциями называют смену одних лиц в кабинетах власти другими. *«У нас на службе революция! Директора сняли и прислали из Москвы нового. Теперь закрутит он нам гайки!»* Знакомо?

Понятно, что персональные изменения в составе правителей сами по себе революцией не являются. Несмотря на то, что революции обычно сопровождаются такими персональными изменениями. Что же тогда должно измениться в государстве, чтобы такое изменение можно было назвать революцией?

Первый признак революции напрямую связан с нашей моделью пространства политических идей. Революционными изменениями государства мы можем назвать только такие изменения, которые перемещают государство в политическом пространстве. Если в государстве меняется шило на мыло, и эта перемена никак не влияет на положение государства в политическом пространстве, такая перемена не является и революционной. Замена в названии «милиции» «полицией», слияние министерств, разделение министерств, сокращение чиновников, и т.д. и т.п., – ничто подобное не является революцией. Революционными изменениями мы можем признать произошедшие в ходе исторических событий (масштабной реформы, выбора новых парламентариев, народного восстания, военного путча или дворцового переворота) увеличение свободы, демократии или равноправия. Причем такое увеличение должно произойти на заметную простым людям, а не только специалистам, величину.

Если же изменение государства приведет к заметному для людей уменьшению свободы, демократии или равноправия, то такие изменения будут контрреволюционными.

Однако для определения революции этих признаков недостаточно. Революция это вспышка, взрыв, очень быстрый по историческим меркам

процесс. Это обстоятельство обязательно нужно учесть в нашем определении. Если позитивные изменения государства происходят быстро, то это революция, если медленно – модернизация.

Революция – это заметное позитивное перемещение государства в политическом пространстве за короткий промежуток времени.

Модернизация – это заметное позитивное перемещение государства в политическом пространстве за длительный промежуток времени.

Контрреволюция – это заметное негативное перемещение государства в политическом пространстве за короткий промежуток времени.

Рестаурация – это заметное негативное перемещение государства в политическом пространстве за длительный промежуток времени.

Применение насилия одних людей над другими – революционерами по отношению к консервативной элите и наоборот – во время этого движения не является обязательным, закономерным. Есть много примеров «мирных» или относительно бескровных революций и контрреволюций.

Революция и контрреволюция различаются по направлению перемещения государства в политическом пространстве. Позитивное направление – это то направление, которое демонстрирует нам вся история человечества за последние десятки тысяч лет. Даже не очень внимательный взгляд на путь, проделанный человечеством, отмечает, что этот путь направлен от этатизма, деспотии и исключительности к свободе, демократии и равноправию. С зигзагами, временными отступлениями, неравномерно, но именно в этом позитивном направлении.

Какие-то группы землян впереди этого движения, какие-то – позади. Но все движутся в одном направлении. Не только потому, что никто сегодня в здравом уме не скажет, что он мечтает о государственном устройстве, основанном на этатизме-деспотии-исключительности, но и потому, что описанное движение есть объективный исторический процесс. Во все времена и во всех странах консерваторы стремились затормозить этот процесс и, частенько, у них это получалось. Но только затормозить, поскольку он связан с природой человеческого общества. Это автохтонный процесс, он неостановим.

Отсюда следствие: никакого особого пути нет, и не может быть – все группы людей на нашей планете идут по пути к либерализму-демократии-равноправию. Именно это направление позитивное.

Кто-то встал на этот путь раньше и получил от этого конкурентные преимущества, кто-то опоздал и преимуществ не получил. Более того, люди, запоздавшие с модернизацией государства, попадают в зависимость от тех, кто лидирует в этой гонке, в подчинение к «передовикам». Именно поэтому золотой миллиард имеет свои преимущества – он дальше ушел по

пути прогресса. Остальные – догоняйте, а не нойте, что вас угнетают. Вас потому и угнетают, что ваши собственные деспоты продают золотому миллиарду ваши интересы за чечевичную похлебку так же, как когда-то ваших дедов деда ваших сегодняшних деспотов продавали в рабство белокожим рабовладельцам.

В некотором смысле все группы людей идут к указанной цели человечества своими маршрутами, своими собственными путями. Кто-то выбирает путь прямее, кто-то – извилистее, кто-то идет по уже проложенной дороге, кто-то – по оврагам и буеракам. Да, первым всегда труднее, но сегодня это не про нас, не про Россию. Первые на сегодняшний день прошли примерно половину пути по всем трем осям, так что путь предстоит еще не близкий и для них. На этом позитивном пути нас ждет еще не одна революция.

Хотя никакой предопределенности у будущих революций, конечно, нет. Существует ведь всем потенциальным революциям вполне понятная альтернатива – модернизация. Только там, где модернизация почему-либо застопорилась, ждите революции. А если вместо модернизации наблюдается реставрация, и подавно. Отсутствие модернизации натягивает пружину социального напряжения, вызываемого неспособностью окостеневшего государства отвечать на вызовы современности, удовлетворять новые запросы общества, и когда это напряжение превышает определенный порог, оно разрешается в виде революции – быстрого перемещения государства в политическом пространстве в позитивном направлении. О механизмах срабатывания этого процесса мы поговорим в четвертой главе этой книги.

Уже понятно, что революция вовсе не неизбежное событие в истории любого общества. Уже понятно, почему это событие все же происходит в истории человечества, хотя и нечасто. Но обязательно происходит. Революция случается там и тогда, где и когда элита пренебрегает модернизацией и, тем более, увлекается реставрацией. Если общество, пусть медленно, но перемещает свое государство в положительном направлении в политическом пространстве, революции не будет. Модернизация – альтернатива революции.

Из нашего определения следует, что революцией является быстрое позитивное перемещение государства хотя бы по одной из трех осей пространства политических идей. На практике революция далеко не всегда перемещает государство сразу по всем трем осям. Но наша теория допускает как простые революционные перемещения – в одной плоскости или даже по одной оси, так и комплексное движение одновременно по трем осям.

Перемещение тела из одной точки пространства в другую физики обозначают вектором. Почему бы не обозначить вектором и перемещение государства в пространстве политических идей? Применение хорошо разработанных правил векторной алгебры значительно упростит нам задачу описания тех или иных революций, сравнения их между собой. Для этого

нам необходимо условиться о координатах, что мы уже сделали, и о единицах измерения координатных осей.

Вектор – это направленный отрезок, имеющий начало и конец, то есть некая прямая линия, имеющая длину и определенным образом сориентированная в пространстве. Следовательно, для оценки «величия» и социально-политической значимости революции мы должны ввести единицы измерения вектора этой революции – расстояния, которое преодолело государство в результате скачка, и установить направление, то есть договориться о координатах начальной и конечной точек, которые соединяет отрезок. Чем мы и займемся далее.

Векторная теория позволяет классифицировать все известные нам события, сопровождавшиеся сменой власти, определив их как революции или всего лишь как смену элит, правящих династий вследствие дворцовых переворотов, как народные бунты или военные мятежи и т.п., которые не сопровождаются движением государства в пространстве политических идей.

Вектор революции находится в трехмерном пространстве, и о его размере можно судить по проекциям вектора на оси координат. В нашей модели пространства политических идей мы используем взаимно перпендикулярные оси координат. Проекции вектора на эти оси, как правило, будут неодинаковой длины. Так, если революция достигла, главным образом, усиления демократии в стране, то наибольшую величину будет иметь проекция такого вектора на ось источников права (деспотия-демократия). Если революция предоставила больше свобод гражданам, то это – либеральная революция. Вектор такой революции будет иметь максимальную проекцию на ось абсолютных ценностей (этатизм-либерализм).

Длиной или **модулем вектора революции** назовем длину отрезка, соединяющего начальную и конечную точки перемещения государства. Длина вектора, соответствующего дворцовому перевороту, равна нулю. Любой бунт, военный путч или смена правительства, не связанные с перемещением государства, являются нулевыми векторами. Проекция такого вектора на оси координат – это точки. Движения-то нет!

Революция может сдвигать государство сразу по трем координатным осям пространства политических идей, хотя, как показывает история, это довольно редкое событие. Возможно, Великая Французская революция (1789-1791) соответствует этому идеалу, если вспомнить её девиз: «Свобода. Равенство. Братство».

Революция – это движение. На всех трех осях пространства политических идей проекция вектора революции должна иметь положительную величину. А может ли быть иначе? Иногда бывает. Например, по оси либерализма движение позитивное, зато по оси равноправия – отрицательное. Как это выглядит на практике? Предоставили свободу победившие революционеры только тем, кто исповедует некую религию. А остальным – нет. И да-

же в чем-то иноверцев утеснили. Раньше все верующие и атеисты были одинаково угнетены государством, а теперь в новом государстве граждан «освободили», но только не всех, а особенных.

Для сравнения разных революций по их «величине» необходимо вычислить модуль вектора каждой из них в пространстве, то есть длину перемещения государства в пространстве политических идей. Чей модуль больше, та и революция «величественнее»!

Определить этот параметр исторического события можно, используя формулу:

$$|a| = \sqrt{a_x^2 + a_y^2 + a_z^2} \quad (1.1)$$

где $|a|$ – модуль вектора революции, a_x , a_y , a_z – проекции вектора на оси пространства политических идей.

Достаточно в сопоставимых единицах подсчитать, насколько в результате восстания или конституционной реформы изменился в стране уровень демократии, либерализма, равноправия, подставить эти значения в формулу (1.1), и доказательство революции приобретет строгий математический аргумент. Мы получаем размерность революции в масштабе пространства политических идей.

Следовательно, для векторной теории социальной революции важное значение приобретает то, какие мы установим единицы измерения и масштаб для каждой из осей пространства политических идей. Понятно, что это должны быть соразмерные единицы, хотя мы измеряем совершенно различные политические идеи.

Наглядный пример – Славная революция 1688 года в Англии (Glorious Revolution), когда в результате преобразований суд стал независимым, а парламент начал принимать решения по финансовым вопросам, контролировать расходы, получил право учреждать новые налоги и обрел независимость от короля.

В ходе Славной революции сторонники Парламента свергли короля Якова II Стюарта (католика) с помощью голландской армии во главе со статхаудером Вильгельмом III Оранским, которого и провозгласили королем Англии в совместном правлении с его женой Марией II, дочерью свергнутого Якова II. Зять как бы заменил на троне своего тестя. Событие на первый взгляд «семейное». Но государство в Англии сильно переместилось в пространстве политических идей. Данный период в истории Англии некоторые ученые называют «Бескровной революцией». Такая оценка, однако, отражает только переход значительной доли власти в самой Англии от короля к Парламенту и не учитывает войну в Ирландии и Шотландии. В

результате революции абсолютная монархия в Англии была заменена дуалистической. Кроме того, прекратилась дискриминация протестантов и началась дискриминация католиков (католики, в частности, не могли занимать престол и лишались права голоса).

В 1689 году Парламентом Англии был принят Билль о правах, устанавливающий высокую планку ранее недостижимого либерализма:

- свобода (для протестантов) иметь оружие для самообороны (в количестве, ограниченном для разных социальных классов в разной мере);
- свобода подачи петиций королю;
- свобода от штрафов и конфискации имущества без решения суда;
- свобода от жестоких и необычных наказаний, от чрезмерно больших штрафов;
- свобода слова и дебатов; никакие слушания в Парламенте не могут быть основанием для привлечения к ответственности в суде и не могут быть подвергнуты сомнению за пределами парламента (парламентский иммунитет);
- свобода выборов в парламент (в то время лишь для состоятельных граждан) от вмешательства короля.

Добились! При новом короле-протестанте в Парламенте засели депутаты-противники католицизма и сторонники частной земельной собственности в сельском хозяйстве. Получается, что вектор данной революции должен иметь наибольшие проекции на оси либерализма и демократии. Свободы для обитателей Острова значительно прибавилось, представительный орган власти существенно расширил свои полномочия, хотя депутаты, заседавшие тогда в английском Парламенте, являлись представителями лишь богатейших слоев дворян и сельскохозяйственных предпринимателей-арендаторов, а вовсе не всех тогдашних граждан Англии, чего англичанам пришлось ждать еще три века. Но все же и демократии прибавилось. А вот с осью равноправия вышел конфуз. Надо считать число католиков и их долю от населения Англии, чтобы понять больше или меньше граждан обрели право голоса в результате Славной революции. И беднейшие слои крестьянства также обесправили, лишив их прежней королевской защиты от алчных «огораживателей».

Однако есть истории, которые доказывают, что эти события вовсе не революция, а государственный переворот или иностранная интервенция, и гораздо более важным движущим началом его была религия и борьба католичества с протестантизмом, нежели просто борьба короля с парламентом. Кроме того, сам факт отделения парламента от короля не говорит о демократичности в принятии решений. Напротив, лишь внутренняя структура парламента, а именно наличие двух противоборствующих партий – тори и

виги – обеспечила соблюдение прав собственности богачей-землевладельцев в стране. А обо всех гражданах ещё речь не велась.

Можно представить вектор данной революции в виде отрезка, имеющего максимальную положительную проекцию на ось либерализма, положительную – на ось демократии, почти нулевую – на ось равноправия (рис. 1-2). Равноправия не прибавилось? Одним вернули права, у других отняли. Значит, проекция вектора революции на ось эгалитаризма минимальная.

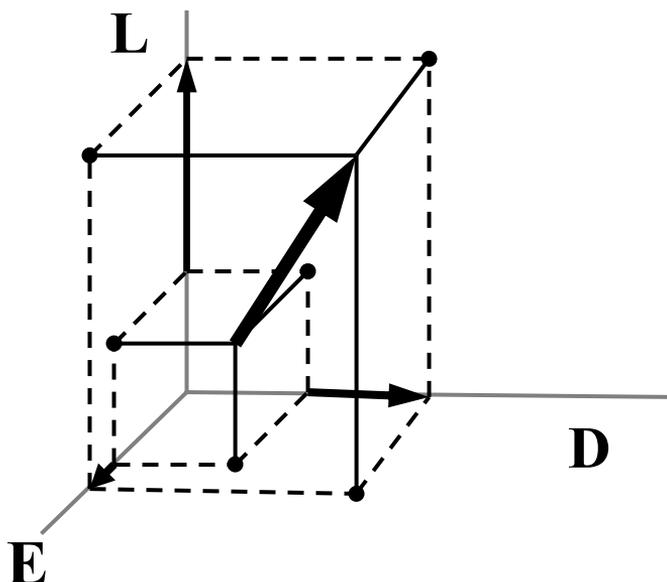

Рис. 1-2. Вектор Славной революции (Англия, 1688 год).

Обозначения осей (проекций вектора): L – либерализм (ось свободы), D – демократия (ось народовластия), E – эгалитаризм, (ось равноправия).

Система координат. Пределы. Единицы измерения

Мы построили трехмерную модель пространства политических идей (рис.1-1). Систему координат в ней образуют три различные оси, которые взаимно перпендикулярны. Модель напоминает параллелепипед или куб. Сколько же властных режимов мы можем смоделировать в этой системе координат?

ВСЕ!

Все опробованные человечеством государственные модели находят свои места в виде точек (или областей) внутри пространства политических

идей. И даже такие государства, которые история ещё не знала, также могут поместиться в этом пространстве.

Очень важно понять, что в реальной жизни крайние точки на всех трех осях недостижимы. Ни одна из перечисленных политических идей не может быть реализована абсолютно. Эти точки идеальны, и мы можем только стремиться к ним, приближаясь к реализации той или иной идеи настолько, насколько это возможно. В целях исследования и обучения, как советовал поэт и философ Дж. Леопарди, мы должны учиться видеть простое в сложных вещах. Вписав перечисленные выше политические идеи в трехмерное политическое пространство, нам удобнее будет обсуждать вопросы, связанные с практическим воплощением этих идей в реально существующих на нашей планете государствах.

Вероятные критики нашей векторной теории вполне предсказуемо могут потребовать от нас представить некие числовые характеристики нашей модели. Что же за наука без математики! Если для определения социальных процессов в качестве революционных, контрреволюционных, модернизационных или реставрационных требуется умение определять дистанцию перемещения государства в политическом пространстве, мы должны установить шкалу перемещения по каждой из осей. Если для определения величины перемещения в пространстве мы используем единицы длины (метры, футы или парсеки), то для определения величины перемещения в политическом пространстве нам нужно иметь соответствующие единицы измерения количества демократии, свободы и равноправия.

В настоящее время уже предложены шкалы для измерения демократии, базирующиеся на экспертных оценках. Об одном из способов мы уже говорили в связи с попыткой найти корреляцию между уровнем демократии в стране и эффективностью экономики. Известен индекс Polity, который также составляется по балльной системе, исходя из ответов экспертов на такие вопросы, как уровень политического участия, открытость, состоятельность на выборах, полномочия главы исполнительной власти, контроль над ним и т.п. По тенденциям развития с 1946 по 2013 год к совершенной демократии относятся по этому индексу США, Канада, Великобритания, Скандинавские страны, Германия, Польша, Литва, Монголия, Чили и некоторые другие. Во Франции, странах Южной Америки, в Индии и Украине, хотя и есть демократия, но, видимо, «несовершенная». Россию авторы этого исследования отнесли к разряду открытых «анократий» вместе с Алжиром, Венесуэлой и некоторыми странами Африки. Китай, Белоруссия, страны Средней Азии и арабские монархии – это автократии. Демократии в этих странах нет. Поясним, что по определению М. Маршалла «анократия – это государственное устройство, сочетающее черты демократии и авторитаризма, политически нестабильное и неэффективное. Народ в такой стране подвержен риску вооруженных конфликтов, междоусобиц или неожидан-

ных и неблагоприятных изменений в руководстве. Уровень демократичности М. Маршалл и Т. Гарр измеряют по шкале от -10 (автократия) до +10 (совершенная демократия).

Читатель вправе поинтересоваться, в каких «метрах» или «килограммах» предлагают авторы настоящей книги измерять путь, пройденный государством в процессе его эволюции, «количество» либерализма, народо-властия или равноправия в стране? Безусловно, прийти к единому пониманию количественных показателей и единиц измерения свободы, равенства и братства чрезвычайно важно, ведь эти «материи», казалось бы, неосвязаемы. И для людей, даже для политиков и ученых, эта «алгебра» – совершенно новый предмет.

Мы полагаем, ответ лежит на поверхности. Очевидно, что каждая из трех осей пространства политических идей ограничена. И это значит, что количественно измеряемые параметры будут изменяться от нуля до единицы, или, другими словами, от полного отсутствия (0%) до максимального наполнения и реализации политической идеи (100%). Следовательно, оси координат градуируются в долях единицы или, если угодно, в процентах.

Некоторые исследователи уже предлагали измерять степень реализации политической идеи в пределах от нуля до единицы. Ноль – полное отсутствие этой политической идеи в государстве, единица – максимально возможное воплощение данной политической идеи в государственном устройстве. Нам представляется этот масштаб вполне удобным. Используем его и мы.

Количество либерализма (L) определяется средним для всех граждан страны (N) произведением доли вопросов, которые человек решает самостоятельно (BC), на долю от этих вопросов, альтернативы по которым равнозначны (BP).

$$L = \sum(BC_i \cdot BP_i) / N \quad (1.2)$$

Все люди имеют примерно одинаковые наборы генов, наследственных задатков. Казалось бы, и жизнь людей должна быть примерно одинаковой. Однако это не так. Все люди проживают разные жизни. Жизни всех людей состоят и множества «поворотов» «направо» или «налево». Так или иначе, люди направо или налево поворачивают. Всегда ли сам человек решает, повернуть ему направо или налево? Нет, не всегда. Множество поворотов для человека предопределены. Какую религию ему принять? В какую школу ему пойти учиться и пойти ли учиться вообще? Поступить ли ему на службу в армию и в какие именно войска? Какую зарплату требовать у работодателя? Пойти ли ему учиться в вуз или ему, как кухаркину сыну, это запрещено, а если этот человек – женщина, то, может быть, запрещено, как

женщине? Множество подобных вопросов решает не сам индивид. При решении многих вопросов возможность выбора человека крайне ограничена. Решение каких-то вопросов ограничено государством, каких-то – обществом, но ограничено.

Очевидно, что подобные ограничения есть ограничения свободы человека. Количество свободы человека тем меньше, чем меньше доля вопросов, которые человек может решать самостоятельно.

Дж. Оруэлл описал нам государство, которое решало за человека практически все вопросы, включая «семейные». Придуманное Оруэллом государство характеризуется максимальным значением этатизма и, следовательно, минимальным количеством либерализма.

В этом отношении люди вовсе не равны. Какие-то люди в стране практически не ограничены в выборе, им позволено все, а какие-то ограничены весьма существенно. Определяя количество либерализма в стране, мы вынуждены вычислять некое среднее значение и для тех, кому можно все ($BC = 1$), и для тех, кому нельзя ничего ($BC = 0$).

Но и среди тех вопросов, которые человек решает самостоятельно, вопросы разные. Одни самостоятельно решаемые вопросы имеют при своем решении примерно равнозначные альтернативы – съесть на завтрак эклер или буше, поступать в медицинский или педагогический институт, поехать отдыхать в Турцию или Грецию... А есть и другие вопросы, решение по которым имеет сильно неравнозначные альтернативы – украсть или не украсть, подписать петицию или не подписать, пойти в армию или «закопать»...

Более того, выбор есть всегда. Несмотря на требования государства, можно не идти служить в армию. Некоторые уклоняются от службы в армии, даже будучи вполне здоровыми, находят «варианты». Но нужно понимать всю неравноальтернативность этого выбора. Нужно понимать, что за уклонение от армейской службы государством для граждан предусмотрено наказание – уголовная статья. Можно не идти работать. Но статья есть и за тунеядство.

Таким образом, при определении количества либерализма нужно учитывать и эту неравноальтернативность.

Очевидно, что если все вопросы каждый i -ый человек решает самостоятельно, и среди этих вопросов нет вопросов, альтернативы по которым неравнозначны ($BP = 1$), в стране, где живут эти люди, количество либерализма равно «недостижимой» единице. Если таких людей только половина, а вторая половина имеет либерализма вдвое меньше, то и количество либерализма в такой стране будет равно всего 0,75. Если же в стране вторая половина населения только половину своих вопросов решает самостоятельно,

а из оставшихся вопросов только половина является равноальтернативной ($BP = 0,5$), то в такой стране количество либерализма равно всего 0,625.

Подставим в формулу (1.2) данное условие, приняв во внимание, что в стране два типа жителей.

$$L = [(1 \cdot 1) + (0,5 \cdot 0,5)] / 2 = 0,625$$

Разумеется, для многомиллионной страны учесть степень свободы каждого i -ого индивида нереально. Но официальная статистика дает нам разбиение всего населения на большие группы, классы, о свободе которых мы можем составить представление, можем судить, например, о том, как меняется равноальтернативность вопросов в зависимости от доходов индивида или места его проживания. Таким образом, вычисление L для всего населения страны превращается в задачу, хотя и трудоемкую, но решаемую.

Количество демократии (D) – это произведение доли граждан (Γ), имеющих своих представителей в каждом органе представительной власти, на долю общих вопросов, которые может решать представительный орган власти (ВП).

$$D = \Gamma \cdot \text{ВП} \quad (1.3)$$

Демократия это способ принятия решений по вопросам, имеющим значение для всех граждан (общим вопросам), то есть по таким вопросам, которые решены не в отношении отдельного гражданина или юридического лица, а в отношении всех граждан и/или юридических лиц, по крайней мере, общей категории. Это вопросы, решаемые в отношении всех граждан или в отношении всех наемных работников, или в отношении всех пенсионеров, или в отношении всех родителей и т.п. – в отношении неопределенного круга лиц.

К общим вопросам не относятся вопросы награждения отдельных граждан государственными наградами, или наказания отдельных граждан в уголовном или административном порядке, или предоставления отдельным гражданам жилых помещений или земельных участков...

Общие вопросы это вопросы об установлении правил. Применение установленных правил в отношении отдельных граждан или юридических лиц к общим вопросам не относится. Общие вопросы решаются в виде нормативных правовых актов.

В каждой стране на некий момент существует перечень уже решенных общих вопросов. Часть из них решены представительными органами власти, а остальные – другими органами власти. Вот для этих уже решенных вопросов мы и можем вычислить их долю, решенную народными представителями.

Очевидно, что демократия не является единственным способом решения общих вопросов. Более того, исторически демократия – вовсе не первый придуманный человечеством способ решения общих вопросов. Исторически долгие тысячелетия способ решения общих вопросов не был демократическим. Только в самые последние столетия человеческой истории способ решения общих вопросов стал обретать демократические черты. В борьбе с другим способом – деспотическим. Сегодня человечество находится на пути осознания преимущества демократического способа решения общих вопросов, на пути осознания ценности такого способа решения. Это осознание еще окончательно не достигнуто. Те, кому выгодно применение другого, не демократического способа решения общих вопросов, активно сопротивляются такому пониманию, внушают человечеству представление о «порочности» демократии. Пока довольно успешно. Особенно в нашей стране, где слова «демократия», «демократ» давно стали почти ругательными. Даже там, где демократия, казалось бы, победила, в действительности демократии совсем мало. Правда, вчера демократии там было еще меньше. Так что сама тенденция внушает некоторый оптимизм.

Основным «теоретическим» способом обмана является извращение принципа разделения властей. Если вдуматься, этот принцип прост и прозрачен: представительные органы власти принимают решения по общим вопросам, а исполнительные органы власти исполняют эти принятые не ими решения. Казалось бы, что может быть проще? Но...

Сильным мира сего проще управлять исполнительной властью, удобнее. Даже там, где парламент представляет собой абсолютно декоративный орган. А уж там, где парламент что-то значит, на что-то может влиять, и подавно.

Есть еще одна трудность осуществления демократического способа решения общих вопросов, даже там, где представительные органы власти существуют. Эта проблема связана с влиянием на «свободу воли» у избранных представителей. Теоретически возможно, что, участвуя в принятии решений, представители действуют не свободно, то есть, делая выбор не в соответствии со своим жизненным опытом и общим мнением слоя людей, чьим представителем является голосующий, а по чьей-то указке. В такой ситуации о решении вопросов представительным органом говорить трудно. Но даже если такая ситуация имеет место, она всегда скрыта от постороннего наблюдателя. Такая ситуация законодательно должна быть исключена. Эта ситуация аналогична работе присяжных заседателей, на голосование которых теоретически могут влиять подельники подсудимого, оставшиеся на свободе. Действия этих подельников подпадают под уголовную статью. Также под уголовную статью должна подпадать и подобная «лоббистская» деятельность любых лиц, направленная на принуждение представителей к тому или иному голосованию.

Отчасти эта проблема решается при формировании представительного органа власти. Если избиратели абсолютно свободны в своем выборе, имеют реальную возможность направить в представительный орган власти действительно своих представителей, делая свой осознанный выбор, избиратели должны учитывать и способность кандидатов противостоять подобным воздействиям.

В Конституции СССР и РСФСР было сказано, что Съезд народных депутатов может принять к своему рассмотрению любой вопрос. Поскольку Съезд народных депутатов представлял собой именно представительный орган власти, для такого устройства государства параметр ВП был равен единице. И это хорошо. Только при таком положении вещей параметр ВП и, следовательно, количество демократии может достичь максимального значения.

Количество граждан, имеющих своих представителей в представительном органе власти (Г) можно определять, например, путем социологических исследований. По правилам, хорошо известным социологам, нужно сделать выборку из населения страны и каждому из опрашиваемых задать следующие вопросы именно в этой последовательности.

1. Вы ходили голосовать на выборах данного представительного органа власти?

Отрицательный ответ свидетельствует о том, что у этого гражданина своего представителя нет. Его можно дальше не опрашивать. Если ответ положительный, следующий вопрос.

2. Кто Ваш представитель в представительном органе власти?

Отсутствие ответа, заминка, незнание персоны депутата, показывает нам, что у этого гражданина-респондента своего представителя нет. Если гражданин своего представителя не знает, его можно дальше не опрашивать. Если ответ дан, следующий вопрос.

3. На выборах Вы голосовали именно за этого представителя?

Отрицательный ответ показывает, что у этого гражданина своего представителя нет. Ведь «своим представителем» может быть только тот депутат, за которого гражданин голосовал. Респондента, ответившего «нет», можно дальше не опрашивать. Если ответ положительный, следующий вопрос.

4. Если бы Вам была предоставлена возможность внести в список любую кандидатуру, кого бы Вы внесли в список для голосования?

Только в случае совпадения имени желаемого кандидата с тем, за кого гражданин проголосовал, мы считаем, что у него есть свой представитель в представительном органе власти.

Как видим, вопросов совсем немного. Такое социологическое обследование не потребует больших затрат. Проделав эту работу, мы легко можем установить долю граждан, имеющую своих представителей в каждом представительном органе власти для каждой страны, для каждого муниципалитета. Мы уверены, что полученные результаты окажутся весьма интересными. Только вряд ли эта работа будет кем-то оплачена и, следовательно, когда-нибудь проделана.

Учитывая смысловую нагрузку этих четырех вопросов, читателям должно стать ясно, что использовать для измерения количества демократии явку избирателей в день голосования некорректно. Даже пришедшие на избирательные участки и проголосовавшие вовсе не обязательно приобрели своего представителя в результате выборов. Явка – это тот максимум избирателей, кто мог бы получить своих представителей в выборном органе власти. Избирательный закон может быть несовершенен, и он не позволяет всем получающим бюллетени увидеть в них фамилию того кандидата, которого избиратель хотел бы видеть своим представителем, в силах которого будет решить общие вопросы именно таким образом, как хотел бы этот избиратель. А голосовать за кого попало, делать выбор за одну минуту уже на избирательном участке – эта ситуация далека от самой идеи демократии.

Но, даже учитывая лишь явку в день голосования, мы установим, что первый сомножитель (Γ) в нашей формуле (1.3) в России даже на федеральных выборах редко превышает 0,5. Чаше явка бывает ниже 0,3, а остальные «голоса» приписывают уже на избирательных участках. Отсюда вывод: если бы наш парламент принимал решения по всем вопросам общего значения ($ВП = 1$), то и в этом случае уровень демократии в России не превысил бы 30%.

В прошлом, во времена СССР, властвующая элита России добивалась высокой явки избирателей, но вопросы общего значения, в действительности, решал не представительный орган власти, а структуры партийной номенклатуры. Значение ВП, формально равнявшееся 1, на деле оказывалось близко к нулю. Тогда представительные органы были «всевластны», но демократии-то в СССР было очень мало. Значит, добиться повышения уровня демократии в стране – это задача более сложная, чем представляется тем, кто настаивает на признании высокой явки избирателей как критерия активного участия граждан в политике и, следовательно, демократичности существующего режима.

Еще менее обоснованной кажется оценка количества демократии по степени всеобщности выборов, иногда встречающаяся в литературе. Чем большему количеству граждан разрешено принимать участие в голосовании, тем больше демократии. При таком способе оценки оказывается, что многие страны уже достигли совершенной демократии, ведь там уже раз-

решено голосовать не только людям с другим цветом кожи, но даже и женщинам. Авторам такой способ оценки кажется вовсе примитивным.

Если демократия – это способ решения общих вопросов, то и количество демократии должно определяться долей всех общих вопросов, решаемых демократически, то есть всеми, кого эти вопросы касаются, – всеми гражданами.

Объективным показателем представляется произведение доли граждан, принимающих участие в принятии решений, на долю вопросов, принимаемых демократически. Произведение доли на долю всегда даст в результате величину, которая изменяется от нуля до единицы. В данном случае – долю всех вопросов, решаемых демократически в представительном органе власти.

Мы прекрасно понимаем, что произведение $0,3 \cdot 0,4$ даст ровно тот же результат, что и произведение $0,4 \cdot 0,3$. В обоих случаях получится одинаковый результат количества демократии – $0,12$. Мы считаем, что произведение доли граждан, имеющих своих представителей, равной $0,3$, на долю вопросов, решаемых представительным органом власти ($0,4$), дает ровно такое же количество демократии, что и произведение доли граждан, имеющих своих представителей, равной $0,4$, на долю вопросов, решаемых представительным органом власти ($0,3$). Это обстоятельство никак не нарушает того «физического смысла» количества демократии, о котором мы говорим. Структура и полномочия демократических институтов в разных странах с разным политическим устройством, которые дают разные сомножители в нашей формуле, вполне могут в результате давать одинаковое количество демократии. И это достоинство, а не недостаток нашей формулы (1.3). Разные режимы разными способами могут достигать одинакового количества демократии.

Мы считаем, что и показатель «доля граждан, имеющих своих представителей» и показатель «доля вопросов, решаемых представительным органом власти» в одинаковой степени влияют на количество демократии. Если оба показателя достигают единицы (что в реальной жизни невозможно!), то и количество демократии достигает единицы. Если любой из показателей уменьшается до нуля, то и количество демократии уменьшается до нуля. Если «представительный орган власти» таков, что в нем нет ни одного представителя, то количество демократии становится равным нулю. Если представительный орган власти не решает ни одного общего вопроса, то и количество демократии становится равным нулю.

Если же вместо умножения мы попробуем эти доли, например, складывать, то при уменьшении до нуля одного из показателей доля демократии до нуля не упадет. Получится, что при доле представителей $0,5$ и при условии, что эти представители ничего не решают ($ВП = 0$), количество демократии остается равным $0,5$. Это противоречит нашему пониманию «фи-

зического смысла» демократии. Точно также, если доля вопросов, решаемых представительным органом власти, равна 0,5, а в представительном органе власти нет ни одного представителя народа, количество демократии при сложении оказывается равным не нулю, а 0,5. По нашему же мнению, подобный режим в стране вовсе не демократия. Встречаемые иногда в научной литературе способы определения количества демократии обычно грешат отсутствием такого «физического смысла».

Альтернативы представительной демократии нет. Существующая точка зрения о том, что в перспективе с ростом качества коммуникативных возможностей можно будет реализовать непосредственную электронную демократию, ошибочна. Не только потому, что на этом пути возникают технические сложности, но, главным образом, потому, что человечество не в состоянии принимать содержательные решения. Как сказал С. Лем: *«Гомо сапиенс статистически глуп»*. И это правда. Никакой технический прогресс не может изменить это печальное статистическое обстоятельство. Люди в общей массе не способны принимать содержательные решения. Для того, чтобы принимать содержательное решение, например, о ставке налогообложения, человек должен ясно понимать, к каким последствиям приведет увеличение или снижение ставки. Большинство этого понять не может и утверждает минимальную ставку. А потом будет удивляться – «куда делись же-луди?», почему нет бесплатных лекарств, почему пенсия маленькая?

Зато главный вопрос демократии для каждого человека: кто именно наилучшим образом сможет отстаивать в представительном органе власти его интересы, каждый человек, ну, почти каждый человек, в состоянии решить правильно. Это хорошо понимал еще Перикл, который сказал: *«Немногие способны быть политиками, но все могут оценивать их деяния»*.

Количество равноправия (E) зависит от доли граждан, права которых ограничены больше, чем у других. Если доля граждан, права которых по сравнению с остальными гражданами, ограничены, мала, то равноправие (E) стремится к единице. И наоборот, если i -ая норма ограничила права почти всех граждан, то равноправие снижается почти до нуля. Для каждого нормативного акта, содержащего «репрессивную» клаузулу, можно предложить **индекс равноправия** (E_i):

$$E_i = 1 - \text{ГО}_i / N \quad (1.4)$$

где ГО_i – количество граждан, права которых ограничены больше, чем у других, i -ой нормой; N – число граждан в стране.

Как нам представляется, каждому гражданину должно быть предоставлено максимальное количество свободы, совместимое с таким же количеством свободы каждого другого. Предоставляет и ограничивает свободу

граждан государство в своем законодательстве. Правовые нормы всех государств предоставляют разным гражданам разное количество свободы.

Вот животрепещущий пример с пенсионным обеспечением в России. Казалось бы, у всех граждан должно быть одинаковое право на достойную старость. Какой вклад в общую копилку внес гражданин, пропорционально этому вкладу должна быть и его пенсия. Но не меньше определенного уровня. Однако правовые нормы российского государства сегодня устроены так, что отдельные граждане «равнее» в отношении их пенсионного обеспечения. Закон о государственной пенсии по старости не делает различия между гражданами. Его нормы распространяются на всех в равной мере ($G_0 = 0$, $E = 1$). Этот закон никого не выделяет. Если бы этот закон был единственным законом, определяющим размер пенсии, все граждане страны имели бы равное право на достойную старость. Но это не единственный закон, регулирующий размер пенсии. Отдельные граждане получают существенные надбавки к пенсии, которые зависят не от их вклада в общую копилку, а от благорасположения законодателя. Например, государственные служащие получают такую надбавку. В стране граждан, имеющих отличие по данному закону, около 2 млн человек. Все остальные граждане по отношению к государственным служащим ограничены в правах, в частности, на достойную старость (хотя, и не только в этом). Для простоты расчетов примем общее число граждан России за 140 млн человек. По нашей формуле (1.4) закон о государственной службе в части пенсионного обеспечения вносит заметный негативный вклад, существенно снижая уровень равноправия:

$$E_i = 1 - (140 - 2) / 140 = 1 - 0,986 = 0,014.$$

Этот вклад в рост неравноправия очень велик, поскольку закон «обижает» 138 млн граждан России, выделяя 2 млн госслужащих, получающих привилегию.

Однако же, законов много, и не все, а лишь некоторые из них содержат дискриминационные нормы. Если бы «неравноправную» пенсию начислили лишь одному гражданину – «царю», то для такого закона индекс равноправия был бы почти равен нулю, поскольку эта норма дискриминировала остальных 140 млн граждан страны. Все граждане, вроде бы сохраняют между собой взаимное равенство в части пенсионного обеспечения, но привилегия одному лишь гражданину сразу снижает индекс равноправия такого закона практически до нуля!

Характерный пример, дающий нам алгоритм вычисления уровня равноправия и оценки, как реформа изменяет уровень равноправия в государстве, – установление гендерного равенства в активном избирательном праве в марте 1917 года. При царском режиме женщины, как известно, голосовать права не имели. Для простоты не будем учитывать иные категории «лишенцев», а количество женщин примем за половину населения. В 1916

году $E_{i, 1916} = 1 - 0,5 = 0,5$. В 1917 году $E_{i, 1917} = 1 - 0 = 1$. Как видим, узаконение гендерного электорального равенства увеличило индекс равноправия (в части данного конкретного права) до максимума.

Наделение или лишение какого-либо из прав группы граждан дает нам возможность сравнить уровень равноправия по данному праву до реформы (принятия закона) и после реформы, оценить революционность или контрреволюционность, модернизационность или реставрационность преобразования.

Теперь необходимо решить, каким образом рассчитывать интегральный вклад каждого нормативного акта в общий уровень равноправия в государстве. Некоторые узаконения не содержат дискриминационного начала, но ограничивают права всех граждан по отношению к самому государству, либо возвращают всем гражданам те права, которые были прежде лишь у привилегированного класса.

Нам следует использовать среднее арифметическое индексов равноправия всех законов, всех норм:

$$E = \left(\sum_{i=1}^{i=N} E_i \right) / N \quad (1.5)$$

где N – количество норм.

Идеальное и реальное

Количество демократии, либерализма, равноправия теоретически изменяется от нуля до единицы.

Идеальные государства характеризуются следующими параметрами:

1. Идеально либеральное государство имеет количество либерализма (L), равное единице
2. Идеально демократическое государство имеет количество демократии (D), равное единице
3. Идеально равноправное государство имеет количество равноправия (E), равное единице.

Таких идеальных государств нет, не было и никогда не будет. Количество любой из этих ценностей, равное единице, в принципе не достижимо, поскольку в идеальное состояние материальные объекты перевести невозможно.

Ни один из сомножителей в формуле количества либерализма (1.2) не может достичь единицы. Никогда граждане не смогут самостоятельно решать все вопросы, которые встают перед ними на протяжении их жизни, и никогда все решаемые ими вопросы не будут иметь равных альтернатив.

Ни один из сомножителей в формуле количества демократии (1.3) не может достичь единицы. Никогда все граждане не смогут получить своих представителей во всех представительных органах власти своего государства, и никогда представительные органы власти не смогут решать все вопросы, имеющие общее значение.

Никогда доля правовых норм государства, ограничивающих права одних граждан больше, чем других граждан не станет равной нулю. Законы всегда посягают на чьи-нибудь права, в чем-то ограничивают людей, утесняют некоторые категории граждан. И иногда вполне оправдано. Например, ограничение в правах малолетних жителей страны или граждан, не достигших определенного возраста. Поэтому и среднее значение индекса равноправия (1.5) никогда не сравняется с единицей.

По большому счету и обратная ситуация тоже невозможна. Для либерализма и равноправия это очевидно. Абсолютной несвободы и абсолютно-го неравноправия также достичь нельзя, как бы этого кому-то и ни хотелось. В нашей теории мы рассматриваем более-менее развитые общества, такие общества, которые уже дошли до понимания необходимости представительной демократии. Но даже в обществах, в которых до такого понимания люди еще не дошли, демократия также не равна нулю. Только чтобы это заметить, измерять ее нужно в других единицах, не в «джоулях», а в «электронвольтах».

В этом смысле свобода, равноправие и демократия в нашей теории сродни синусу в математике. Если под синусом понимать отношение катета к гипотенузе, то синус никогда не сможет достичь ни нуля, ни единицы. При достижении этих величин треугольник исчезает, а с ним исчезают и такие материальные объекты как катет с гипотенузой.

Революции в истории не остаются безымянными. Часто революцию называют по имени руководителя победивших бунтовщиков. Олицетворение революции или датирование годом и месяцем ничего не говорит нам о бенефициарах этой революции и, главное, не показывает, как изменилось государство в результате этого «государственного переворота». И изменилось ли вообще?

В зависимости от того, на какую из осей координат проекция вектора максимальна, мы будем называть революции либеральной, если в государстве стало больше свобод политических, экономических, духовных; демократической – если произошел переход власти к парламенту, произошло расширение прав парламента в решении вопросов общего значения, увеличение количества граждан, получивших своих представителей; эгалитарной – если произошло увеличение равноправия, права какой-либо группы населения сравнялись с правами всех тех, кто имел эти права до революции.

Каждое появление нового научного инструмента всегда приводило к новым открытиям. Один только взгляд Галилея в телескоп или Левенгука в

микроскоп привели к массе открытий. Давайте и мы воспользуемся нашим инструментом и посмотрим на некоторые мгновения истории нашей страны. Может быть, нам удастся разглядеть революции там, где раньше мы революции не видели или, наоборот, увидеть отсутствие революции там, где видеть революцию «принято». Во всяком случае, читателю станет понятнее, как же работает наш политический «телескоп-микроскоп».

Идеальное, как правило, является упрощенным или экстремальным выражением реального. Исторические события мгновенно покрываются многообразными общественными и культурными узорами, которые маскируют действительное значение этого события в сравнении с идеальным. Один из ярких примеров революционных преобразований дает нам история Российской империи с середины XIX века.

После 1861 года страну «сотрясали» одна за другой реформы: крестьянская, земская, судебная... А ведь это была настоящая *Революция*. Революция многообразная по своим результатам. Вектор каждого этапа этой революции был направлен то к демократии, то к равноправию, то к свободе. Всего за несколько лет государство в России значительно продвинулось вперед по всем трем осям в политическом пространстве. Так значительно, как этого не происходило за предыдущие столетия.

Личную свободу обрела примерно треть населения нашей страны. В момент революции эти люди получили возможность самостоятельно решать хоть какие-то вопросы своей жизни. Говоря «хоть какие-то вопросы» мы подчеркиваем очевидность этого обстоятельства. В действительности этих «хоть каких-то» вопросов для обретших свободу крестьян было довольно много.

Но свобода тогда выросла не только у освобожденных крестьян. Две трети крестьян и до реформы были лично свободными. Только свободы у них было совсем мало. Судебная реформа расширила им такую свободу. Да и не только им. Судебная реформа касалась и третьего сословия. Третьему сословию судебная реформа открыла множество ранее недоступных путей. В нашей исторической литературе принято говорить об экономическом буме в конце девятнадцатого века. Важнейшей предпосылкой этого экономического бума послужила именно судебная реформа. Какой смысл заниматься экономической деятельностью, если твой контрагент может не исполнять заключенный договор? Судебная реформа сделала заключение договоров вполне осмысленным. В терминах нашей теории после реформы появилась возможность решать вопрос заключать или не заключать тот или иной договор не только вполне самостоятельно, но и решение этого вопроса стало вполне равнозначноальтернативным для обеих сторон. Поскольку судебная реформа признала всех граждан равноправными в экономиче-

ском отношении (перемещение государства по оси равноправия), то и заключение сделки перешло из разряда неравноальтернативных вопросов «служить в армии – не служить в армии» в разряд вопросов «съесть на завтрак эклер или буше». Перемещение Российской империи по оси безусловных ценностей к свободе индивида уже достаточно для признания этого события революцией. Однако этим перемещением революция, затеянная Александром Вторым, не ограничилась.

Российское земство, к которому привела земская реформа, конечно, не венец демократии, но по сравнению с тем политическим вакуумом, на смену которому оно пришло, это, безусловно, перемещение в сторону демократии. А для нашего понимания революции важно не то место на оси политического пространства, в которое попадает государство в результате революции, а то расстояние, на которое государство перемещается за время революции, размер проекции вектора революции на ту или иную ось трехмерного пространства политических идей. Введение в России земства с хоть какими-то представителями есть гигантский шаг вперед по сравнению с состоянием государства, в котором народные представители почти полностью отсутствовали.

С количеством равноправия все еще проще. Количество граждан, права которых ограничены больше, чем у других, ощутимо сократилось. Даже без учета земской и судебной реформ, переводение четверти крестьян из полностью бесправного состояния в состояние граждан, а не вещей, очевидно, – это значительное перемещение Российской империи в сторону равноправия. Мы понимаем, что пройденный нашей страной к этому моменту путь в сторону равноправия еще значительно меньше половины, но это событие, очевидно, революция. Почему мы уничижительно или, по крайней мере, скромно опустив глаза, называем это событие реформой? Может быть, потому, что царь «не может» быть революционером?

Да, эта революция была проведена «сверху». Да, в ходе этой революции состав истеблишмента практически не изменился. Да, в ходе этой революции почти никто не пострадал, кровь рекой не лилась... Но все это во все не отменяет величия грандиозного события. Российское государство всего за несколько лет совершило гигантский шаг вперед в политическом пространстве. Еще бы пара таких шагов, и страна оказалась бы в числе лидеров движения к свободе, равноправию и демократии.

Революция шестидесятых и последовавшая модернизация семидесятых годов XIX века в восьмидесятые прекратились. В девяностые траектория движения государства продолжилась реставрацией. Государство откатилось назад. Это было ошибкой истеблишмента, высшей аристократии, которая почувствовала, как «источник силы», финансовой и нравственной,

начал утекать из её рук. Реставрация была предательством интересов страны. Виновники: Александр Третий и Николай Второй. Отсутствие модернизации всегда чревато революцией. И революция произошла в 1905 году.

Этот переворот мы привыкли называть революцией, которую принято отождествлять с Манифестом семнадцатого октября. Манифест семнадцатого октября наделил будущую Государственную Думу, формирование которой уже шло, вместо «законосовещательных» прямыми законодательными функциями. В терминах нашей теории величина ВП (доли общих вопросов, которые может решать представительный орган власти) перестала быть равной нулю. С учетом того, что Государственная Дума формировалась путем выборов, в нашей стране появилась демократия не только на земском, но и на государственном уровне. Это событие, безусловно, значительное перемещение государства в направлении к демократии. Ту, столетней давности, демократию сегодня принято высмеивать как «неправильную», «не общенародную» или, напротив, ругать как «слишком радикальную», но факт остается фактом: в России появился парламент.

Кроме того, в упомянутом Манифесте провозглашались некоторые свободы, что характеризует перемещение государства в сторону либерализма и равноправия.

В 1907 году избирательный закон для выборов третьей Государственной Думы был существенно ухудшен, что можно оценить как реставрацию или даже как контрреволюцию. Это обстоятельство сыграло не последнюю роль в том, что будущая антимонархическая революция переросла в «революцию» пролетарскую.

Теперь переместимся в революционный тысяча девятьсот семнадцатый год. Манифест Николая Второго об отречении не внес в государственное устройство никаких изменений. Многие настаивают на том, что этот день является ключевым в истории государства. С позиций векторной теории революции это далеко не так. Это мелкое событие никак нельзя назвать революционным. Переход власти от Николая к Михаилу – всего лишь смена шила на мыло. А вот отречение Михаила это – революция. Только в этот день – третьего марта 1917 года (а по новому стилю 16 марта) – самодержавная империя прекратила свое существование. Именно в секунды подписания этой бумаги о «непринятии престола» великим князем Михаилом Александровичем и произошла революция. Мартовская либеральная и демократическая революция, а вовсе не «февральская»!

Михаил уполномочил выбрать форму государственного устройства Учредительное собрание, и это означало, что главный общий вопрос будут решать все граждане. Это, безусловно, перемещение государства в сторону и либерализма, и равноправия. Указание в манифесте Михаила на то, что

Учредительное собрание должно быть избрано на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, безусловно, перемещение государства в сторону демократии. Последовавшие за этим многочисленные документы Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов значительно добавили к вектору революции и проекцию на ось равноправия. Мы уже упоминали о гендерном равенстве, которое в 1917 году многие «передовые» государства ещё не признали. Так что март семнадцатого года и есть Великая революция. Великая потому, что за короткий срок произошло значительное (великое) перемещение государства в сторону свободы, демократии и равноправия. Пожалуй, еще большее, чем за полвека до этого при Александре Освободителе.

К сожалению, достижения революции не были институционально закреплены. Учредительное собрание, созвать которое Временное правительство обещало к июлю, было сформировано только к ноябрю, да и то не полностью, не всех депутатов успели избрать. Революция это такое событие, во время которого нужно бежать изо всех сил для того, чтобы не скатиться назад. Временное правительство, которое за полгода существования сменило четыре с лишним состава, оказалось не на высоте положения. Поспешали медленно! Эти люди, взвалившие на свои плечи бразды правления огромной страной, оказались недостойными Великой революции.

Да и как могло быть иначе, если Временное правительство – правительство самозванцев. Они назначили, а потом несколько раз переназначали себя сами. Мы видим исток этого самозванства в антидемократической контрреволюции (или, по меньшей мере, реставрации) П.Столыпина 1907 года. Для выборов Третьей Государственной думы избирательный закон был значительно ухудшен. Достаточно напомнить, что крестьянской курии (99 000 000 крестьян) полагалось 50 мандатов, и землевладельческой курии (276 000 землевладельцев) полагалось 50 мандатов. Избранная по такому избирательному закону Четвертая Государственная дума оказалась не на высоте положения. С момента совершения революции она так и не собралась ни одного раза, полностью самоустранилась. Если бы Государственная дума на своем заседании назначила Временное правительство, а еще лучше, сама возглавила бы модернизационную работу, в стране после революционных событий, никакого двоевластия просто не возникло бы. Никаким Советам тогда просто не нашлось бы места в политической жизни страны.

События 25 октября 1917 года некоторые все ещё именуют Великой Октябрьской социалистической революцией. Что же произошло в этот день? Одна группа самозванцев – Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов – арестовала другую группу самозванцев – Временное правительство. Даже Всероссийский исполнительный комитет первого

съезда Советов рабочих и солдатских депутатов осудил это мероприятие. Но его полномочия к этому моменту уже закончились.

Произошло ли какое-нибудь перемещение государства в политическом пространстве вследствие подобного перехода от двоевластия к одновластию? Конечно, нет!

В этот день съездом Советов был принят ряд декретов: о мире, о земле. Произошло ли какое-нибудь перемещение государства в политическом пространстве от принятия этих декретов? Пожалуй, нет.

Следовательно, нет и революции. Нет оснований у нас называть октябрьский государственный переворот революцией. Истеблишмент сменился, государство не шелохнулось.

После прекращения двоевластия выборы в Учредительное собрание продолжались, но уже под руководством Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) Второго съезда Советов. Временное правительство хоть и с огромным, непростительным опозданием подготовило прекрасный избирательный закон. Лучший в мире избирательный закон в то время. Настолько демократически избранного представительного органа в нашей стране никогда не было ни до, ни после Учредительного собрания. Количество общих вопросов, которые могло решать Учредительное собрание, практически приближалось к единице. Таким образом, само избрание Учредительного собрания есть огромный шаг государства в сторону демократии. Избрание Учредительного собрания – очередная демократическая революция в России. Однако в стране к этому моменту ничего, что могло бы поддержать и реализовать эту демократию, уже не осталось. Ни Государственная дума, ни Временное правительство не озаботились созданием институтов и механизмов, подкрепляющих работу демократического Учредительного собрания.

Из 715 избранных депутатов Учредительного собрания к 5 января 1918 года в Петрограде собралось 410 депутатов, включая депутатов, состоящих в партии большевиков. На первом же заседании Учредительное собрание отказалось легитимизировать власть Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. На следующий день ВЦИК Второго Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов издал декрет о роспуске Учредительного собрания. Это событие отбросило государство далеко назад по оси демократии. Произошла антидемократическая контрреволюция. С тех пор до 1989 года никакого продвижения в политическом пространстве в сторону демократии в нашей стране не происходило.

Выводы

На основании изложенного мы можем сделать три основных вывода.

1. Пространство политических идей имеет три измерения. Все известные нам типы государственного устройства располагаются внутри этой объемной модели. Конкретный тип государства определяется координатами точек (проекций) положения этого государства в пространстве на осях координат: этатизм – либерализм, деспотия – демократия, исключительность – равноправие (эгалитаризм).
2. Количество демократии, либерализма и эгалитаризма в государстве измеряется в процентах (долях единицы) по несложным формулам с использованием общедоступных данных. Очевидно, что достигнуть 100-процентного наполнения государства каждой прогрессивной политической идеей на практике невозможно. Это идеал, к которому мы должны стремиться, понимая, что в настоящий исторический период ни одна страна в мире ещё не продвинулась к этой идеальной точке более чем наполовину.
3. В отличие от народного восстания, военного путча или дворцового переворота, революция – это существенное позитивное перемещение страны в политическом пространстве за короткий промежуток времени. Революцию можно графически представить в виде вектора, сориентированного в координатах пространства политических идей. Начальная точка вектора соответствует положению государства до революции, конечная точка – положению государства после революции. Никакое событие нельзя называть революцией, если проекция вектора не будет значительной хотя бы на одну из координатных осей пространства политических идей.

Глава 2. Классификация политиков

*Человек становится человеком
только среди людей.*
Йоганнес Бехер

Представив модель пространства политических идей, мы условились о координатах, в которых революционеры проложат вектор очередной социальной революции. Далее мы должны перейти к обсуждению структуры общества, определить, кто такие революционеры, кто способствует и кто препятствует их революционным намерениям.

Социальная революция хотя и сдвигает в пространстве политических идей государство, но закономерно она касается всех слоев общества, классов, которые в свою очередь состоят из отдельных индивидов, объединенных общими интересами и своим общественным значением. Ранее мы уже говорили о том, что в любой стране найдутся сторонники действующей власти – прократики, что совершенно естественно, поскольку в противном случае и никакую государственную власть даже короткое время поддерживать было бы невозможно. Но всегда отыщутся и критики государства, противники правящей элиты, антикратики. На всех ведь не угодишь! Кому-то порядки в стране всегда будут не по душе. Прежде чем перейти к исследованию движущих сил революции, следует обсудить возможные роли в революции прократиков и антикратиков, проанализировать состав этих значительных по своему влиянию антагонистических групп населения.

Изучая отношение отдельных индивидов к государству, мы сразу заметим, что это отношение может варьироваться от восторженного одобрения или молчаливой покорности до скептического ропота и вспышек антиправительственного насилия, доходящих до вооруженного террора. Отношение индивида к государству зависит от социального типа личности этого конкретного индивида.

Личность – это комплекс социальных свойств человека, формирующийся на основе его наследственности в процессе включения в систему общественных отношений и проявляющийся как его индивидуальность. В основе личности – биологическая природа человека и те социальные усло-

вия, в которых человек оказывается: особенности семьи, школы, время и место его жизни и работы.

Важнейшие компоненты структуры личности: память, культура и деятельность. Память – это знания, усвоенные личностью в течение ее жизни. Культура личности включает совокупность социальных норм и ценностей, которыми индивид руководствуется в процессе практической деятельности. Наконец, деятельность – это целенаправленное воздействие субъекта (индивида) на объект. Объектом деятельности могут быть другие индивиды, предметы и материальные или духовные условия жизни.

Социальный тип личности – это определенная совокупность характеристик личности, определяющих её позицию в разнообразных системах общества.

Для целей настоящей книги под системой общества мы подразумеваем государство. Значит, и для определения социального типа личности индивида полезно исследовать и классифицировать его отношение к государству, его статус в государстве, как социальной системе. Подобную характеристику дает нам анализ образа жизни индивида, то есть способа взаимодействия личности с социальной средой, типичного для личности и социальной группы, к которой относится данный индивид. Необходимо из всего множества свойств личности выделить такие, которые обуславливают отношения человека и государства, индивида и общества. Следовательно, мы должны определить такую типологию личности, которая поможет нам найти и вычленил из всего общества группы индивидов, способные оказывать влияние на государство, может быть, даже двигать государство по вектору политического прогресса.

Эволюция личности

Личность не самодостаточна, она не может довольствоваться собой.

Она всегда предполагает существование других личностей...

Николай Бердяев

Философский взгляд на дифференциацию отдельных индивидов в обществе нашел свое отражение в теории социальных типов личности, социальных ролей, как способах осуществления человеком различных видов деятельности, и свойствах личности, выражающих принадлежность индивида к социальной группе. Считается, что в первобытном обществе, о котором, должны признать, положила руку на сердце, мы почти ничего не знаем наверняка, поскольку наши предки в эпоху палеолита не затрудняли себя

высеканием дневников или хотя бы «партийных лозунгов» на скалах и стенах пещер, все люди представляли собой усредненную личность добытчика-потребителя. Социальные роли первобытных мало различались между собой. Этому способствовал единый для всех образ жизни (питание, выживание) – охота, собирательство, борьба с хищниками, холодом, иными племенами. Возможности и потребности были сходными у всех, но по психологическим особенностям люди уже различались и в те отдаленные времена, также как и сегодня. Тридцать тысяч лет не изменили коренные характерные признаки вида млекопитающих, к которому все мы принадлежим, – кроманьонцев.

Совершенствование форм и способов совместного труда, социального поведения, разделение функций между членами «человеческого стада» и превращение их в индивидов, составляющих уже «общество» или «социум», происходило на фоне жесткого внутривидового отбора, борьбы с природными угрозами и с себе подобными. Ведь самым страшным врагом человека в ту темную эпоху, по меткому выражению писателя Анри Бекса (Рони-старшего), врагом страшнее пещерного медведя или саблезубого тигра, врагом, которого при встрече следовало убить в бесспорном и первоочередном порядке, был другой человек. Следовательно, хоть в бытовом плане все первобытные и походили друг на друга, все же они умели отличать «своих» от «чужих». И типология личностей, хотя ещё и не близких к «социальным», также могла выявить различные группы индивидов среди обитателей пещер по их поведенческим реакциям. Значит, какая-то дифференциация внутри человеческого вида уже существовала изначально.

Наверняка существовали в палеолите трусы и храбрецы, лукавые и прямодушные, упрямые и покладистые, тугодумы и те, кто умеет быстро искать компромиссные решения. Точно так же, как генетики разьясняют нам, что все породы декоративных, охотничьих и служебных собак содержались «внутри» их дикого шакалообразного предка, по счастливому стечению обстоятельств сдружившегося с первобытными людьми. Изменчивость этого вида млекопитающих оказалась весьма высока в отличие от изменчивости, например, в семействе кошачьих, более специализированных и занимающих в природе узкую экологическую нишу сумеречных хищников.

Усложнение общества разнообразило социальные роли людей, играть которые приходилось индивидам, обладающим такими психическими свойствами, которые присущи человеку издревле.

Социальная роль – это совокупность действий, которые должен выполнить человек, занимающий данное место в обществе или системе общества, например, в государстве.

В современном мире скрытые внутри кроманьонцев социальные типы личности реализовывались в различных культурах, и на ступенях человеческой цивилизации мы видим уже примеры, когда социальные типы личностей способствуют или препятствуют людям играть те или иные социальные роли. Образование и усложнение государства потребовало от общества таких индивидов, личности которых позволяли им удовлетворительно справляться с обязанностями государственных служащих.

Многообразие типов личности не возникло «ниоткуда», а проявлялось из уже существовавших в человеческих племенах-популяциях зачатков вследствие разделения общества на классы, национальные и профессиональные группы, различные экономические, политические, художественно-культурные объединения. Чем дальше, тем сложнее становились и социальные роли: индустриальных рабочих и крестьян, интеллигенции, гражданских и военных служащих; политических и партийных деятелей – консервативных и реформистских, настроенных оппозиционно или лояльно правительству.

По определению французского историка и антрополога Эммануэля Тодда *«система типов личности, или личностная структура общества, представляет особое персонифицированное выражение социально-классовой структуры данного общества, а ее изменения – персонифицированное движение социального организма, его подъема, кризиса или депрессии»*.

Настоящей энциклопедией социальных ролей в российском обществе, которые возлагались на индивидов с различными социальными типами личностей, принято считать в начале XIX века роман А.С.Пушкина «Евгений Онегин», а в начале XX века – эпопею А.М.Горького «Жизнь Клима Самгина». В.Солоухин в книге «Продолжение времени» отразил это в следующих конкретных лицах. Дореволюционная Россия *«была многогранна и многообразна. Существовала Россия чиновников: Акакий Акакиевич, Каренин, городничий; была Россия воинской доблести и славы: Бородино, оборона Севастополя, Шипка и Плевна; была Россия бунтующая: Пугачев, Болотников, Разин, 1905 год; была Россия землепроходцев: Дежнев, Беринг, Пржевальский, Семенов-Тянь-Шанский, Арсеньев; Россия науки: Яблочков, Попов, Менделеев, Сеченов, Мечников, Тимирязев; Россия искусства: сотни имен. Была Россия студенческая и офицерская, морская и таежная, пляшущая и пьющая, пахущая и бродяжья. Но была еще Россия молящаяся»*.

Необъятная пестрота социальных ролей требует от нас произвести строгую селекцию и выделить для понимания феномена революции только такие социальные роли и соответствующие им социальные типы личности, которые связаны с государством. Проведенные социологами исследования

и предложенные ими различные типологии личностей не в полной мере, как нам представляется, дают инструмент для анализа отношения индивида к государству. Мы в данной книге будем использовать типологию, в основе которой лежит восприятие индивидом в качестве ценностей собственно государства, властвующей в этом государстве элиты и постоянства занятого индивидом места в государственной иерархии. А также воли и способности индивида принять участие в преобразовании и функционировании государства, то есть взять на себя социальную роль революционера. Но сначала кратко коснемся самой методологии подобных классификаций.

Личность и её ценности

Наиболее распространенной в классической социологии считается типология личности в зависимости от их ценностных ориентаций, коих выделяют пять:

- **традиционалисты** ориентированы в основном на ценности долга, порядка, дисциплины, законопослушания, а такие качества, как самостоятельность и стремление к самореализации, у данного типа личности выражены очень слабо;

- у **идеалистов**, наоборот, сильно выражены независимость и критическое отношение к традиционным нормам, установки на саморазвитие и пренебрежение к авторитетам;

- для **фрустрированного**¹ типа личности (неудачники, «лузеры» – на молодежном жаргоне, «тридцать три несчастья» – по-чеховски) характерны низкая самооценка, угнетенное, подавленное самочувствие, ощущение себя как выброшенного из потока жизни;

- **реалисты** сочетают в себе стремление к самореализации с развитым чувством долга и ответственности, здоровый скептицизм с самодисциплиной и самоконтролем;

- **гедонистические материалисты** ориентированы, в первую очередь, на получение удовольствий «здесь и сейчас», стремление «насладиться жизнью» и удовлетворить потребительские желания.

¹**Фрустра́ция** (лат. frustratio — «обман», «неудача», «тщетное ожидание») – негативное психическое состояние, возникающее в ситуации реальной или предполагаемой невозможности удовлетворения тех или иных потребностей, в ситуации несоответствия желаний имеющимся возможностям. В состоянии фрустрации попадают и отдельные революционеры, если их идеалистические мечты или прагматические планы в результате государственного переворота не осуществились.

Указанная «классическая типология» ничего не дает нам для понимания механизмов революции и способности индивидов с тем или иным из пяти «классических» социальных типов личности участвовать в революции, играя в ней те или иные роли.

Почти весь XX век советские люди исповедовали марксистско-ленинскую философию, которая предлагала «полезную» для бесклассового общества социальную типологию. Людей в СССР делили на **коллективистов** и **индивидуалистов**. Главными признаками коллективиста (в части отношения к государству) во все века являлись покорность власти, малая социальная мобильность, и в то же время пролетарская революционность. Классики марксизма-ленинизма, по всей вероятности, под «пролетарской революционностью» подразумевали негативное отношение к частным предпринимателям, рыночным спекулянтам и бюрократам во власти, а также всем тем «пережиткам капитализма», которые высмеивались в советских сатирических журналах.

Советский коллективист был самым пламенным сторонником социального равенства, но не политического равноправия. Ведь общество при социализме мирилось с всевластием правящей партии, безвластием представительных органов, наличием номенклатурных привилегий истеблишмента и т.п.

Социалистическим коллективистам социологи-марксисты противопоставляли капиталистических **индивидуалистов**, людей нехороших. Важнейшей потребностью индивидуалиста является потребность в свободном самоутверждении при выполнении своего долга с учетом религиозности. Самоутвердиться – стать известным, богатым и, следовательно, счастливым. Американская мечта – это осовремененная история Золушки. Унаследованная гордость и человеколюбие, не стертые тяжким трудом, немного удачи и помощь влиятельных спонсоров, – и дочь лесника превращается в королеву. А обыкновенный, но чуть более сообразительный, чем сверстники, и, чего уж греха таить, нахальный программист – в мультимиллионера.

Для предпринимателя-индивидуалиста благоприятным обществом является то, в котором государство нацелено на защиту частной собственности и рыночных экономических отношений, а ведь справедливое судопроизводство и сравнительно «честная» конкурентная торговля невозможны без хоть какой-то политической демократии и либеральной ментальности сограждан. Мы можем сделать предварительный вывод, что группу революционеров, толкающих государство по идеальному вектору в пространстве политических идей, пополняют индивиды с социальным типом личности индивидуалиста. При этом, мы принимаем и такое резонное возражение: предприниматель осторожен, он сопоставит выгоды и лишения, свя-

занные с революцией, и может предпочесть адаптацию к требованиям существующего истеблишмента, участие в борьбе за коренное преобразование всей властвующей элиты.

Философ А. Зиновьев так характеризует постиндустриального индивидуалиста: *«Сверхчеловек — это внутренне упрощенное, рационализированное существо, обладающее средними умственными способностями и контролируемой эмоциональностью, ведущее упорядоченный образ жизни, заботящееся о своем здоровье и комфорте, добросовестно и хорошо работающее, практичное, расчетливое, смолоду думающее об обеспеченной старости, идеологически стандартизированное, но считающее себя при этом существом высшего порядка по отношению к прочему (не западному) человечеству»*. Формула Гоббса «человек человеку – волк» превращается у постиндустриальных индивидуалистов в формулу «человек человеку – робот».

Значит, у индивидуалиста нет важной для революционера психологической черты – способности жертвовать собственным временем ради блага общества. У коллективиста, напротив, есть это качество, но нет желания сопротивляться властям и стремиться к прогрессу. Ни индивидуалист, ни коллективист в соответствии со своим типом личности не обязательно должен интересоваться политикой, пытаться решать проблемы государственного устройства. Уж лучше они займутся тем, что по душе каждому: один – ремонтом своего автомобиля, другой пойдет со своими сверстниками на стадион поболеть за любимую команду.

Кто же примет роль революционера? Может быть, мещанин – **солидарист**? Писатель Г.Гессе считал главным в солидаристе стремление к уравновешенной середине между бесчисленными крайностями и полюсами человеческого поведения. Солидарист видит смысл своей жизни в самореализации на пользу своему народу и человечеству, ориентирован на индивидуализм в быту и отдыхе и на коллективизм в профессиональной и гражданской сферах, разбирается в международных проблемах (глобализация, экологический кризис, постиндустриализм). Осторожность и взвешенный подход к решению острых проблем так, чтобы это было сравнительно безопасно для него лично, – характерные черты личности солидариста. Солидаристы, в зависимости от общественной ситуации, – мученики за идею, меценаты, основатели духовных сект или спортивных клубов. Мещанин-солидарист объективно должен быть заинтересован в совершенствовании государства, чтобы этот инструмент общества лучше помогал, предлагал, направлял. Однако же, раз отвага и самоотверженность – это у мещан отсутствующие качества психики, солидарист сам не начнет бунт. Только

вместе с другими. А кто же эти зачинатели бунта? На этот вопрос марксистская типология социальных личностей ответа не дает.

Существуют и другие типологии личности, например, Э. Фромма (учение о социальном характере: рецептивном, эксплуататорском, накопительном и рыночном, продуктивной и потребительской личности), Э. Шпрангера (типы теоретика-ученого, общественника, торговца-прагматика, эстета, склонного к самопознанию и творчеству, политика, жаждущего власти, религиозного идеалиста) и Д. Рисмэна (личности отличаются типом ориентации: вовнутрь, вовне и «по-иному»). Все они в равной мере далеки от ответа на ключевой и естественный для теории революции вопрос: кто – революционер, а кто – контрреволюционер?

Политическая типология

Не приходится сомневаться, что индивиды, включенные в процесс классового или группового взаимодействия, обладают огромным количеством свойств. Мы должны выделить такие свойства, которые определяют место индивида в революционном процессе. Это могут быть, например, такие социальные типы, как авторитарный, толерантный и конформистский. Эти типы, различающиеся по степени тяги к власти над людьми и способности адаптироваться к требованиям истеблишмента, существовали всегда и не зависят от общественно-экономической формации, о чем писали марксисты. Но только ли стремление повелевать толкает людей в революцию? Понятно, что это не самый необходимый и далеко не достаточный признак революционера.

Давайте искать революционеров, сравнивая некие признаки социальных типов личности, основываясь на их социальной памяти, культуре и действиях по отношению к государству.

В соответствии с этой, требующейся нам для понимания теории революции, типологией личности, мы должны, прежде всего, разделить все взрослое население любой страны на тех, кто политикой совершенно не интересуется и никоим образом не участвует в делах государства (за исключением опускания в урну бюллетеня для голосования), и тех, кто политикой интересуется и в той или иной мере в делах государства участвует. Первых мы назовем народными массами, вторых – политиками. И далее будем уже более подробно исследовать структуру этого второго класса населения, то есть политиков (рис. 2-1), не вкладывая при этом в термин «политик» ничего, кроме того, что только что было сказано.

Индивид, входящий в народные массы, по-видимому, в наибольшей степени соответствует командно-административному социальному типу, столь популярному, модальному типу в Европе в первой половине XX века, если обратиться к романам Ф. Кафки или критике тоталитарных государств экономиста Л. фон Мизеса. Для подобного типа личности характерны конформизм, отсутствие автономии, боязнь конфликтов, недостаточная ориентированность на результаты труда, враждебность к переменам, нетерпимость к различным отклонениям. Это уж точно – не революционер.

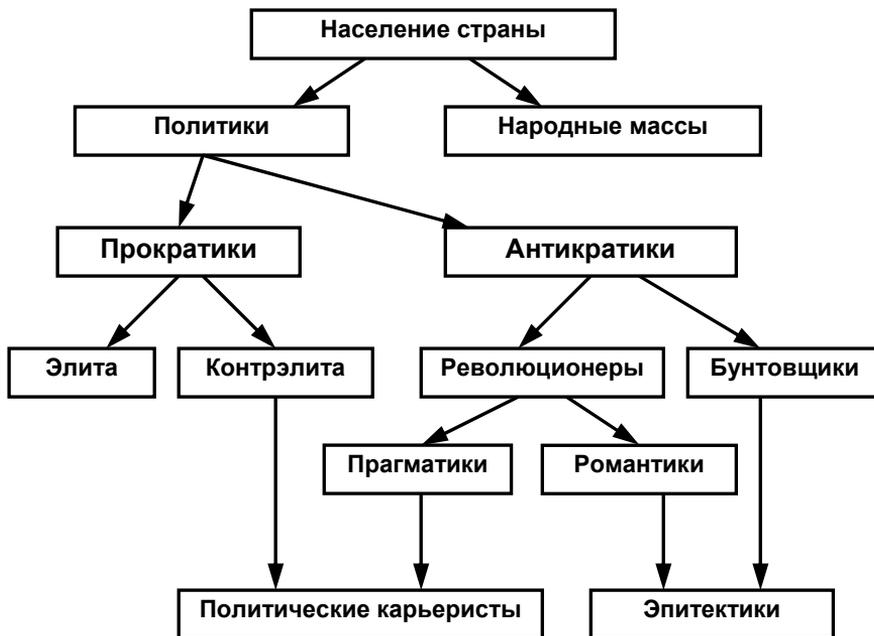

Рис. 2-1. Политическая типология

Но нельзя утверждать, что все представители народной массы робки, безынициативны и не желают идти на риск. Народная масса высоко внушаема, склонна поддаваться «всеобщим» увлечениям, веяниям моды. При этом есть индивиды в народной массе и храбрые, и способные рисковать, но не ради достижения политических целей, а ради удовлетворения иных потребностей: путешествуют, прыгают с парашютом, занимаются восточными единоборствами, бросают все свободные средства на приобретение модных обновок, то есть приносят жертвы идолам *консюмеризма*.

Как правило, народные массы по численности значительно превышают класс политиков. Но в периоды роста социальной напряженности, ин-

тервенции или обострения социальных противоречий в стране могут на некоторое время сложиться условия, когда лишь незначительная доля жителей останется равнодушной к политике. Таким образом, принадлежность конкретного человека к народным массам или политикам не есть раз и навсегда заданное состояние. Конкретный человек в принципе способен в течение жизни менять свое положение в этой классификации.

Не следует путать «народные массы» в контексте данной книги с теми пугавшими аристократическую элиту терминами «масса» и «толпа», которые использовали в начале XIX века англичанин Э. Берк и француз Ж. де Местр, а также с «толпой», «публикой» и «народной массой», которую исследовал создатель теории «души нации» Г. Лебон в конце XIX века. Лебон видел в массе разобщенных индивидов, собирающихся в «толпу», психологический феномен, возникающий при непосредственном взаимодействии индивидов независимо от их социального положения, национальности, профессии, даже повода, вызвавшего образование данной толпы. В толпе образуется социально-психологическое, «духовное» единство массы – «душа толпы». Она проникается определенными общими чувствами, взаимовнушение дает ей значительное приращение энергетики, и, благодаря анонимности и разобщенности участников, в толпе глушится, исчезает сознательная личность. Толпу могут создать, скорее, политики во время митинга (как это случилось в декабре 2011 года в Москве) или манифестации. Индивиды с социальным типом народной массы, как раз, предпочитают уклониться от участия в подобных устрашающих их аттракционах.

Х. Арендт полагала, что «массы» – это продукт дестратификации общества, противостоящий социальным классам, хорошо узнаваемым и обособленным, а Г. Зиммель, М. Вебер, К. Мангейм видели в «массах» бюрократическое сообщество, отличающееся широко расчлененной организацией, в которой принятие решений допускается исключительно на высших этажах иерархии.

Марксисты-ленинцы долго использовали ритуальные декларации о доминирующей роли народных масс в истории. На практике же, как показали примеры многих революций и вооруженных переворотов, лишь малая доля населения вовлекается в политические конфликты. Народная же «масса» остается в стороне. Тот, кто не остается в стороне, по нашей классификации к народным массам не принадлежит.

Можно сказать, что наше понимание «народных масс» ближе всего к философии Х. Ортеги-и-Гассета, который утверждал, что «масса» – это следствие низкого качества современной цивилизации, результат ослабления руководящих позиций просвещенной элиты. Если считать политическую элиту наиболее просвещенной частью общества, то наименее про-

священными будут, разумеется, те, кто от политики далек и политикой не интересуется. Хотя таковыми могут оказаться не только шахтеры и пастухи, но профессора и академики, известные писатели и популярные артисты, инженеры и менеджеры высшего звена в крупнейших промышленных корпорациях. От общих замечаний перейдем к определениям.

Народные массы (аполитичное население) – это люди, не обладающие субъективной потребностью и/или объективной способностью действовать в общественной жизни по собственному выбору на основе ценностей реализации себя в политике. Это социальный тип, не стремящийся к осуществлению властных функций, податливый и адаптирующийся к любым формам властного контроля. Народные массы занимаются самореализацией вне политики. Таковы аполитичные артисты, знаменитые путешественники, спортсмены...

Политики – это люди, обладающие субъективной потребностью и/или объективной способностью действовать в общественной жизни по собственному выбору на основе ценностей самореализации в управлении государством.

Политики и аполитичная часть населения различаются по своим интересам. Типичный представитель народной массы в силу своих психофизиологических свойств или не способен к управлению обществом, или ему это не интересно. Народные массы – это большинство населения. Свою гражданскую позицию такие люди склонны реализовывать, в основном или в лучшем случае, через участие в выборах разного уровня. Побудить народные массы к каким-то более активным и затратным (прежде всего, по времени) формам участия, оторваться от решения собственных проблем и переключить внимание на то, что происходит за рамками их непосредственной среды обитания, чрезвычайно сложно.

Заметим, что людей, осторожных и в политическом плане мало активных, по-государственному мыслящие властители издревле старались вовлечь в политику. И все напрасно. Таковы уж биологические основы этих равнодушных личностей. В Древних Афинах в 594 году до нашей эры великий реформатор Солон установил беспрецедентный в истории человечества закон, который объявлял бесчестным и лишенным прав того афинского гражданина, который во время народного восстания не стоял ни на чьей стороне. Закон требовал, чтобы каждый гражданин принимал участие в борьбе, а не ждал, пока немногие решат судьбу государства. Позорным объявлялось равнодушие к жизни своего отечества.

«Не врагов бойтесь, афиняне! – восклицал Солон на Агоре. – Бойтесь равнодушных. Именно равнодушные приносят и себе, и всем остальным больше всего зла и горя. Именно с их молчаливого согласия восстанут рабы, и спартанские лазутчики распространяют слухи, порочащие афинских стратегов».

Может быть, и не точно этими словами агитировал своих современников «государственник» Солон, тем более, что закон Солона не прижился в эллинских полисах. Равнодушные народные массы «победили» политиков.

В XX веке про опасность для общества и прогресса равнодушных людей почти одновременно написали два автора: в СССР – Бруно Ясенский, репрессированный чекистами в 1938 году, и Юлиус Фучик, чехословацкий коммунист, казненный немецкими фашистами в 1943 году. Вероятно, они перефразировали древнего грека.

Для социального типа личности, относящейся к народным массам, познание структуры и механизмов деятельности государства, как общественной системы, не представляет интереса. Мы не будем заниматься более глубоким анализом типологии народных масс.

Политики – небольшая по численности доля населения, но для теории революции – это фундамент и строительный материал. И это не обязательно вожди партий или губернаторы, но все, кто, так или иначе, связан с властями в карьерном плане или зависит от государства материально. Пенсионеры, студенты и многие категории бюджетников (врачи, работники культуры и образования), хотя и получают деньги от государства, могут не входить в группу политиков. Напротив, политиками являются общественники, вникающие в работу государственных органов, хотя они и не получают от этого материальной выгоды, чинов и званий. Могут относиться к разряду политиков и многие другие люди, которые выдвигают политические требования и хотя бы не очень глубоко, но понимают связь между политической сферой и сферой экономической.

Ты «за» или «против»?

*Самые раскалённые места в аду предназначены для тех,
кто во времена великих моральных испытаний хранил нейтралитет.*

Данте

Политики – это акторы всякой социальной революции. Кто-то из них настаивает на революции, кто-то революции активно сопротивляется. Никто из политиков не остается в стороне от революционных преобразований.

Народные же массы страдают или радуются уже итогам перемещения государства в пространстве политических идей.

Каковы же социальные типы личностей внутри класса политиков? Используем ценностную ориентацию, как принято говорить у романистов, – любовь и ненависть. Если в качестве критерия избрать отношение к существующей государственной системе, позиционирование индивида в государственной иерархии, то мы придем к выводу, что есть достаточно неоднородная большая группа людей, одобряющих действия власти, структуру государства, и есть ещё более пестрая группа сограждан, предпочитающих выказывать негативное отношение к властям, их мероприятиям и к существующей структуре власти в целом. Первых мы назвали **прократиками** (от греч. pro – за, kratos – власть, сила), вторых – **антикратиками**.

Прократики – это политики, довольные устройством власти.

Антикратики – это политики, недовольные устройством власти.

Для понимания причин и движущих сил революции нам важно выяснить, какова доля прократиков и антикратиков в обществе, какое место в обществе занимают эти люди, и насколько решительно настроены они либо защищать существующую государственную систему (консерваторы) или модернизировать её (реформаторы), либо даже разрушить и перестроить (революционеры).

Принадлежность человека к определенной группе политиков обусловливается не только объективным его положением в составе общественной группы, но и его субъективным отношением к своему положению. Уместно вспомнить, как описывал этот феномен В.Ульянов (Ленин):

«Раб, сознающий свое рабское положение и борющийся против него, есть революционер. Раб, не сознающий своего рабства и прозябающий в молчаливой, бессознательной и бессловесной рабской жизни, есть просто раб. Раб, у которого слюнки текут, когда он самодовольно описывает прелести рабской жизни и восторгается добрым и хорошим господином, есть холоп, хам».

Примечательна ленинская характеристика лакейского типа личности. Её можно применить к тем, кто объединен нами в класс прократиков, но не занимает лидирующего положения в этом классе. *«Дело тут именно в социальном типе, а не в свойствах отдельных лиц. Лакей может быть честнейшим человеком, образцовым членом своей семьи, превосходным гражданином, но он неминуемо осужден на то, чтобы лицемерить, поскольку основной чертой его профессии является соединение интересов барина, которому он «обязался» служить «верой и правдой», с интересами той*

среды, из которой рекрутируется прислуга. ...Главные свойства лакея как социального типа суть лицемерие и трусость. Именно эти свойства воспитывает лакейская профессия. Именно эти свойства являются самыми существенными с точки зрения наемных рабов и всей массы трудящихся в любом капиталистическом обществе». Особенно эти свойства характерны для широких слоев чиновничества. Если, конечно, конкретный чиновник не воспринимает интересы того, кому он служит, как свои собственные.

Если социальный тип личности, свойственный человеку от рождения, соответствует доставшейся ему социальной роли, то такой человек чувствует удовлетворение. Если же нет – фрустрирует и пытается по мере сил найти себе новую роль в обществе.

Марксисты уверяют, что бытие определяет сознание? Практика работы и образ жизни просто навязывает людям только пригодный для данного образа жизни, данной специальности социальный тип личности, а не какой-либо другой. Длительное занятие лакейской профессией неизбежно превращает большинство людей с такой судьбой в лакейский тип личности. И все же сомнение остается. Как человек выбирает для себя работу и социальную практику «лакея»? Не рождается ли человек уже с задатками «лакея», «полководца», «матери Терезы»? Тогда заискивание перед сильными мира сего в стиле Молчалина, беспощадность к неприятелю или, напротив, благотворительность и милосердие будут в качестве социальной практики приносить такому человеку, выбравшему работу именно по своим врожденным психофизиологическим задаткам, удовлетворение и радость.

Уместно предположить, что абсолютно непреодолимого автоматизма в приведенных выше примерах все-таки нет. Человек не прикован к своему месту в жизни, как раб-гребец прикован к лавке на старинной галере. Это касается и отношения человека к государству, к «властям». В силу своего интеллекта или черт характера, складывающихся условий жизни отдельные прократики могут преодолеть зависимость от своей социальной среды, порвать с нею или, оставаясь внешне в прежнем положении, начать внутреннюю (идейную, духовную, нравственную) борьбу с этой средой. Но такой выбор поведения и будет означать выбор человеком образца другого социального типа личности в качестве своего собственного. Прократик может превратиться в антикратика и наоборот. Категорически отвергать возможность подобной трансформации мы не будем.

Элита – по-простому «власть»

Сам способ образования индивидуализированной элиты общества исключает проявление в ней личностей, аккумулирующих в своём сознании достижения культуры, нравственности, интеллекта. Отобранные в неё индивиды общеизвестны. Они постоянно появляются на телевидении, в газетах, журналах и т.д. О них пишут книги, их физиономии повсюду в рекламе. Но они суть лишь социальные символы. Они ещё более пусты внутренне, чем обезличенные миллионы.

А.Зиновьев. Глобальный человек

Прократиками являются элита и контрэлита государства (рис. 2-1). Дадим определения этим группам класса прократиков.

Элита – это совокупность политиков, довольных действующей системой власти, довольных также и своим положением в этой системе.

Элита – группа активных, деятельных, волевых, расчетливых людей, способных к осуществлению функций руководителей, желающих осуществлять подобные функции и осуществляющих на практике в силу своего положения. Не имеет никакого отношения к качеству, отборности, селекции, например, в сельском хозяйстве. Элите в обществе противостоят контрэлита, революционеры и бунтовщики. Мирная ротация элиты, контрэлиты и революционеров во властных структурах способствует совершенствованию государственного устройства и мирному развитию страны, позитивному движению государства в пространстве политических идей.

Контрэлита – это политики, довольные действующей системой власти, но недовольные своим во власти положением. Социальная группа активных, деятельных, волевых, расчетливых людей, способных к осуществлению функций руководителей, желающих эти функции осуществлять, но лишенных этой возможности по каким-то причинам.

Итальянцы В. Парето и Г. Моска, посвятившие свои научные работы теории элит, впервые предложили рассматривать революции как результат и внешнее выражение самопроизвольного, внутреннего, автохтонного процесса, свойственного каждому государству – борьбы противников власти в

союзе с оппозиционными государственными деятелями (контрэлитой) против элиты.

Попробуем несколько уточнить представления итальянских классиков элитизма. И, прежде всего, подчеркнем, что прократики не нацелены на то, чтобы принципиально менять систему власти. Среди прократиков доминирует элита, тонкий слой наиболее влиятельных политиков. Это государственные деятели, которые занимают высокие должности, их дети, родственники, близкие, даже иногда просто приятели, которые получают выгоду от пребывания их друга на государственной должности. Высшая и наиболее заметная часть элиты – **истеблишмент** – лицо государства.

Истеблишмент – это высшая часть элиты. Производное от англ. Establishment – «установление», «основание». Власть имущие вместе с их семьями, правящие круги. Совокупность людей, являющихся опорой существующего общественного строя и формирующих общественное мнение.

Элитариям всех стран и не нужно объединяться в стремлении угнетать своих пролетариев и обмениваться опытом, поскольку действуют они шаблонно, соблюдая собственные классовые интересы, в соответствии со своими представлениями о том, что хорошо и что плохо. И, поскольку представления об этом у элитариев из разных стран довольно схожие, то и нам проще на примерах уже прошедших событий в одних странах предсказать, как будут складываться взаимоотношения элиты, антикратиков и «народных масс» в других странах.

Ещё Никколо Макиавелли создал модель общества, в котором элитарии – ведущие по тропам истории, а «народные массы» за ними покорно следуют. Г. Моска и В. Парето показали, что в любой современной стране неизбежно происходит образование элиты, то есть людей, вовлеченных в систему управления, командующих подразделениями этой системы и получающих для себя большую пользу от этой «вовлеченности». Для политиков-элитариев, как социального типа, ценностью является стабильность государства, поскольку элитарий занимает в существующей структуре выгодное место, которого он может лишиться в результате кадровых перестановок или государственного переворота. И само это «хлебное» место может исчезнуть, но уже в результате революции.

Истеблишмент – это очень узкий слой элиты, почти исчезающее тонкий, но на всех влияющий, как заноза – её не видно, но больно, и от воспаления жар во всем теле. В царской России «главные люди страны» – династия и придворные, министры, губернаторы, крупные военачальники, ад-

министраторы – составляли примерно один процент от всей элиты, которая, в свою очередь, составляла в целом один процент населения, «правлящий процент». При царе истеблишмент насчитывал 4-5 тысяч жителей Российской империи. Число ничтожное, но за каждым – сила, влияние, связи, люди, деньги. Всего же элитариев-прократиков в империи было до полу-миллиона человек.

Вероятно, и в наше время численность главных людей страны не превышает 10 тысяч. Мы вправе включить в истеблишмент не только администраторов и управленцев, но также и некоторых богатых сограждан, проживающих в России или за её рубежами, ведь именно с этими богачами в трудные периоды истории страны советуются высшие руководители государства, а толщина их кошельков зависит от стабильности и благорасположения к ним высших российских политиков.

Антагонист элиты – контрэлиты – это такие прократики, которые хотя и довольны системой власти, но не удовлетворены своим положением в этой системе. И, может быть, даже конкретно своим отсутствием на каком-либо месте в этой системе. Контрэлитарии не намерены покушаться на сложившееся государственное устройство, их не устраивает только собственное место в системе власти. Рядовые бюрократы-управленцы мечтают войти в истеблишмент, богатые и тщеславные предприниматели и активисты непарламентских партий – занять места депутатов, вытеснив из представительных органов сторонников и пособников действующей элиты.

Итак, общей ценностью для групп, составляющих класс прократиков, является сверхзадача – сохранить существующую систему власти. В рамках существующей системы власти и по правилам, действующим в этой системе, элитарии и контрэлитарии решают различные задачи. Элитарии желают сохранить свое руководящее положение, контрэлитарии прикладывают усилия, чтобы проложить себе путь в элиту, в истеблишмент.

Различие задач элиты и контрэлиты в государстве порождает конфликты, создает видимость политической борьбы, движения, иногда приводящего к острым схваткам «под ковром» и даже государственным переворотам. Подобные перевороты по своей сути являются лишь кадровыми перестановками, появлением новых фамилий на табличках на тех же дверях кабинетов в правительственных зданиях. И ничего нового и хорошего всему обществу, народным массам, соседним странам такие смены элит не сулят. Борьба контрэлиты с элитой не является борьбой политической.

Часть контрэлиты, которая открыто выражает недовольство политической элиты и не занимает места во властных структурах, в настоящее время ошибочно называют оппозицией. Стоило, например, министру финансов А. Кудрину покритиковать осенью 2011 года своего работодателя предсе-

дателя Правительства В. Путина, как тотчас же он был уволен с работы, и вследствие этого он назвал себя «оппозицией». Лицом подобной «оппозиции» до недавнего времени считался и бывший первый заместитель председателя Правительства России в 1997 – 1998 годах, бывший член Совета безопасности России Б. Немцов. В марте 2015 года его застрелили рядом с кремлевской стеной. Киллеры, которых пока неясно кто нанял, надели на голову Б. Немцова терновый венок мученика-правдолюбца.

Убивать людей – это плохо. Но повторим для тех читателей, кто симпатизирует подобным «оппозиционерам», что в действительности они всего лишь представители контрэлиты. Ведь ни А.Кудрин, ни Б.Немцов никаких изменений в устройстве государственной власти, никаких поправок в Конституцию никогда не предлагали! Максимум, на что готовы эти «оппозиционеры», – некие реформы перераспределения государственного бюджета, несложные переименования топонимов и учреждений и т.п.

В действительности **оппозиция** – это не прократики, а антикратики, то есть часть революционеров, которые формулируют желаемое ими устройство государства четко и полно. Желательно, в виде проекта конституции и поправок в систему законов о выборах. Но о революционерах речь пойдет ниже. Выискивать же оппозицию среди контрэлиты можно с таким же успехом, как грибы на льду искусственного катка.

Хороший пример борьбы элиты и контрэлиты дают нам США и иные страны с преимущественно двухпартийной системой. Одна партия временно правящая, другая в это же время временно «оппозиционная». Так элита и контрэлита наподобие символических корейских рыбок вечно гоняются в одном и том же политическом колесе и гоняют друг друга, плавно, безо всяких революций, вращая колесо истории.

Среди прократиков не может быть оппозиции, и не надо обольщаться, тщетно ожидая того, что элита страны, заразившись идеями мирового прогресса, ни с того ни с сего возьмется за революционное преобразование государства, продвинет его в направлении либерализма, демократии, политического равноправия. Ждать придется долго.

Это ознакомительная версия книги.

Получить всю книгу можно на сайте

[ПЛАНЕТА](https://planeta.ru/campaigns/65268)

<https://planeta.ru/campaigns/65268>